

Ольга Карпович

Глаза Бездны

Роман

Ольга Карпович

Глаза бездны

«Карпович Ольга»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Карпович О. Ю.

Глаза бездны / О. Ю. Карпович — «Карпович Ольга», 2016

ISBN 978-5-699-90943-8

Работе Дмитрия, на первый взгляд, можно позавидовать: сиди себе на метеостанции в райском местечке на Соломоновых островах да поглядывай на приборы. Но пробуждение подводного вулкана привлекло на остров множество людей, среди которых оказались молодая женщина вулканолог Мария и Стивен – авантюрист, промышляющий нелегальными заказами. Уже близок тот час, когда Дмитрий и Мария окажутся на самом краю бездны, за которой лежит смерть. Книга также выходила под названием «Последняя бездна».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90943-8

© Карпович О. Ю., 2016
© Карпович Ольга, 2016

Содержание

1	5
2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ольга Карпович

Глаза бездны

1

Стивен

Яркое арктическое солнце светило с выцветшего от холода неба, дробясь на острых гранях массивных льдин и рассыпаясь бриллиантовыми брызгами. Розовые, зеленые, фиолетовые блики метались по палубе научно-исследовательского судна «Фрея», вставшего на прикол посреди бескрайних льдов.

– Вы уверены, что с ними все хорошо и помощь не нужна? – спросил Стивена Майкл, капитан судна.

Он знал этого человека не один год, давно работал с ним в одной команде, но всякий раз в подобных ситуациях поражался его хладнокровию. Черт его знает, от чего это происходило – от стальной силы воли, привычки держать себя в руках, несмотря ни на что, и не паниковать без толку? Или от глубокого равнодушия ко всему на свете, включая жизнь своих товарищей и подчиненных? Вот и сейчас Стивен – в толстой красно-синей парке с капюшоном, надвинутым так низко, что рассмотреть из-под него можно было лишь тонкий костистый нос и цепкие серые глаза под подернутыми инеем бровями – совершенно неподвижно стоял на палубе и, не мигая, смотрел в чернеющую среди льдин полынью, из которой давно уже должны были показаться дайверы. В то время как он, капитан «Фрей», уже готов был отдать приказ о начале спасательной операции, Стивен просто молча наблюдал за происходящим, ничем не выдавая своего волнения. Если, конечно, он в принципе способен был волноваться. У Майкла, проработавшего со Стивеном семь лет, были причины в этом сомневаться.

Майкл не много знал о прошлом Стивена. Понятно, конечно, что у сорокасемилетнего мужика имелся большой жизненный багаж. Так же совершенно очевидно, что прошлое этого человека было каким-то образом связано с наукой – уж слишком хорошо Стивен знал все про мировой океан, про процессы, происходящие на дне в разных точках земного шара, про то, как правильно проводить погружения, подводные исследования или доставать что-то со дна моря. Но вот почему он, обладая таким багажом знаний, не заседал в каком-нибудь пафосном университете, а занимался этим беспокойным, опасным и не всегда легальным бизнесом, оставалось для Майкла загадкой. Впрочем, Стивен хорошо ему платил, никогда его не подводил, а если нужно было, отмазывал и его, и любого другого члена команды от каких-либо неприятностей с законом, и Майкл был слишком умен и прагматичен, чтобы в подобной ситуации еще на что-то жаловаться. Однако когда дела шли так, как сегодня, Майкл все же не мог отделаться от смутного неприятно-тревожного чувства. Нет, в процессе их работы случалось... всякое, и, когда речь шла о каких-то случайных людях, Майкл с этим мирился. Но когда в опасности оказывались члены команды, а Стивен, не дрогнув ни одним мускулом лица, твердо говорил: «Подождем!», Майклу страшно стало становилось рядом с ним. И трудно было не гадать про себя, как бы вел себя Стивен, если бы в опасности оказался, скажем, сам Майкл, его бесценный капитан на протяжении вот уже целых семи лет. Неужели так же хладнокровно наблюдал бы за ситуацией, не делая ни малейшей попытки вмешаться?

Стивен краем глаза покосился на топтавшегося рядом капитана. Тот шумно дышал, выпуская изо рта облачка пара, потирал руки, упакованные в толстые ватные перчатки, и по всем признакам хотел что-то ему сказать, но не решался. Вероятно, про дайверов. Наверное,

думал о том, что их нет уже слишком долго, и силился спросить, а не нужно ли отправить под воду еще кого-нибудь для выяснения ситуации и оказания помощи по мере необходимости. Стивен, впрочем, считал, что необходимости в этом пока нет. Прошло еще не так много времени.

Он почувствовал, что глаза стало резать от слишком яркого солнечного света, нашарил в кармане солнцезащитные очки и надел их. Солнца тут, в Арктике, было много. Оно, словно в насмешку, шпарило и шпарило с небес, яркое, безжалостное и совершенно холодное. Льдины на этом солнце казались гигантскими, плохо ограненными бриллиантовыми глыбами, переливающимися всеми цветами радуги. К вечеру от белого, золотого, серебряного, радужного мерцания начинали нещадно болеть глаза.

Сейчас, летом, было еще более-менее терпимо. Льдов было меньше, и дневная температура доходила порой даже до плюс 5. Пару раз Стивена заносило сюда зимой, когда невозможно было даже на палубу высунуться, не натянув на лицо шапку-балаклаву. Сейчас же он и его команда обходились лишь пуховиками и термобельем. Прибрежный пейзаж сменился с зимнего серо-коричневого на летний сине-зеленый. Побережье Ледовитого океана, мимо которого они проходили, впечатляло сейчас всеми оттенками спектра. Островки снега серели среди мягкого нежно-зеленого мшистого ковра. На темно-серых валунах виднелись разноцветные лишайники. Кое-где встречались даже цветы – полярные маки, лютики и какая-то ползучая трава. Дальше на север, ближе к Северному полюсу, пейзаж уже меньше отличался от зимнего. Разумеется, в отличие от холодных месяцев с их непроглядной чернотой, на фоне которой полярные льды высятся какими-то сказочными зачарованными замками, сейчас здесь царил полярный день. Небо не темнело ни на минуту, и красочный яркий насыщенный закат буквально через несколько мгновений сменялся не менее поразительным голубоватым рассветом. Пару раз с борта «Фрей» им удавалось увидеть белых медведей, расположившихся на льдинах. И Стивена зачаровывала своеобразная тяжелая неповоротливая грация самых мощных хищников земли. Впрочем, времени любоваться пейзажем и прислушиваться к ощущениям, которые он рождает внутри, у него особенно не было. Нужно было выполнить заказ, клиент на этот раз хотел получить то, что искал, в кратчайшие сроки.

Своим делом Стивен занимался уже более 20 лет и успел за это время обзавестись завидной репутацией и клиентурой. Он не раз слышал, как о нем говорили: «Этот Грэм может достать из-под воды что угодно». И про себя Стивен считал, что подобные отзывы – не такое уж сильное преувеличение. Он действительно занимался тем, что доставал со дна моря или с борта затонувшего корабля любую названную заказчиком вещь, будь это ценный груз или некая эксклюзивная вещица, интересующая богатого коллекционера. Не особенно любопытствуя о самом предмете охоты, он разрабатывал план операции с учетом физических, геологических и химических особенностей района, где находился искомый предмет, а затем отправлялся на место вместе со своей командой и проводил необходимые работы. Разумеется, были случаи, когда даже он не мог ничего сделать, но за его карьеру такие заказы можно было по пальцам пересчитать.

Несколько лет назад, уже создавший себе в своем деле солидную репутацию и сколотивший немалый капитал, он приобрел «Фрею». «Фрея» была научно-исследовательским судном, списанным Калифорнийским исследовательским институтом. Стивен выкупил его за относительно небольшую сумму, а затем вложил еще, чтобы оборудовать корабль для нужд своего дела. «Фрея» обладала специальным оборудованием и обшивкой, позволявшей ей выходить в плавание во льдах Арктики, но в то же время могла дрейфовать и в южных водах. На борту судна были установлены приборы для исследования воды, дна, атмосферы. И команду за эти годы Стивен подобрал себе отличную. Все ребята были мастерами своего дела и при этом людьми не щепетильными, лишних вопросов не задавали и были готовы беспрекословно выполнять все распоряжения хозяина.

Разумеется, бизнес Стивена, помимо очевидных опасностей, связанных с погружениями и взаимодействием со стихией Мирового океана, предполагал еще и другие трудности, обусловленные человеческим фактором. Заказы, которые получал Стивен, легальными были не всегда. Скажем, иногда хозяину компании, занимающейся транспортировкой грузов, требовалось забрать с затонувшего судна улики, явно указывающие на то, что крушение произошло по недосмотру владельца корабля. Или свихнувшийся коллекционер готов был поделиться своими миллионами ради того, чтобы заполучить какой-нибудь артефакт с потопленного военного корабля, являвшегося секретным объектом. Так или иначе, легальность заказа никогда не являлась для Стивена критерием, чтобы соглашаться или отказываться от работы. К каждому заказу он подходил как к увлекательной задачке. Он словно всякий раз снова становился увлеченным физикой школьником, победителем областных олимпиад и бессменным председателем городского кружка «Юный физик». За подобное возвращение в юность, за загорававшееся в нем чувство азарта, за ту порцию адреналина, которую он получал во время поисковой операции, – за все это многим можно было поступиться. Да и немалые деньги, которые толстосумы платили ему, тоже были лакомым куском.

Майкл снова запыхтел рядом с ним и уже, кажется, решился, наконец, разразиться речью, когда черная гладь воды вдруг всколыхнулась и из нее показался водолазный шлем. Стивен почувствовал, как стальной капкан, все это время словно сжимавший его внутренности, постепенно разжимается. Он отлично понимал, какие опасности таит в себе погружение под толщу льда. Даже самым опытным дайверам (а иных сюда и не пускают) для дайвинга в районе Арктики необходимо иметь за плечами не менее 50 погружений и международный сертификат Ice Diver. Но и они порой совершают ошибки, стоящие им жизни. Кроме того, есть объективные факторы, существенно затрудняющие работу дайвера в холодных арктических водах. Во-первых, одежда. Обычный гидрокостюм здесь не подойдет. Дайвер, намеревающийся совершить погружение в водах Арктики, сперва надевает термобелье, затем специальный комбинезон из термоизоляционного материала и под конец уже сам гидрокостюм. Все эти слои одежды предохраняют от переохлаждения, но делают человека неповоротливым, серьезно сковывают движения. К тому же от умения мастерски владеть плавучестью под водой – например, практически зависать на месте там, где надо, или отплывать назад без помощи рук (а это на самом деле не так-то просто и требует определенного опыта – в первую очередь навыка управления воздухом под костюмом), – так вот от умения контролировать свое тело зависит само нахождение дайвера под водой.

Впрочем, все это ерунда по сравнению с настоящей опасностью – приступом клаустрофобии, который может охватить дайвера подо льдом. Стивен знал об этом не понаслышке, так как в былые времена, когда он еще только начинал делать первые шаги в этом бизнесе и не мог позволить себе нанимать опытных профессионалов, ему многое приходилось выполнять самому, в частности, совершать погружения. Именно поэтому Стивен знал, что подобное случается даже с теми, кто никогда ранее не был подвержен приступам клаустрофобии. Царящие под толщей льда вечные сумерки и само осознание того, что выбраться наверх можно только через майну – прорубь во льду, угнетающе действуют на психику, и порой ломаются даже самые стойкие. И тогда остается только полагаться на напарника, контролирующего твое погружение с палубы. Если становится по-настоящему невмоготу, нужно сделать три рывка страхующей веревки – это означает: срочно меня вытягивай! А дальше следуют самые страшные в жизни мгновения ожидания, и жуткие мысли проносятся в голове одна за другой: почувствовал ли рывки твой напарник, среагирует ли он достаточно быстро и вытащит ли тебя из сумрачной ледяной бездны.

Дайверы, которых он отправил под лед сегодня, никаких сигналов снизу не подавали, именно поэтому Стивен считал панические настроения капитана преждевременными, хотя и понимал, что человек подо льдом, каким бы опытным он ни был, может попросту потерять

сознание до того, как успеет подать сигнал. Впрочем, в таком случае чисто формально придраться к ним, оставшимся на судне, будет не за что.

Но, к счастью, теперь, когда шлем первого дайвера показался из воды, можно было вздохнуть спокойно. Стивен махнул рукой в перчатке матросу, и тот, понимающе кивнув, метнулся в кубрик. Знал уже, что рюмка водки, поданная водолазу в первые несколько минут после того, как он вылез из-под льда, – это не только традиция арктических погружений, но и необходимость. Температура подо льдом минус один градус, замерзать начинаешь уже через полчаса, а водка поможет человеку сразу же согреться.

Первый дайвер выбрался из проруби, но подниматься на борт не спешил, почему-то медлил. И Стивен буквально через пару секунд понял, в чем дело, когда увидел, как в проруби показался следующий ныряльщик. Он передал что-то первому, и они вместе вытащили из воды темный прямоугольный предмет и поставили его на лед. Значит, справились, достали! Отлично! Теперь оставалось лишь убедиться, что это то, что нужно заказчику, – бортовой самописец с затонувшей подводной лодки. Если все в порядке, можно будет хоть сегодня сворачиваться и возвращаться в цивилизацию.

Стивен видел, как дайверы передали самописец времен холодной войны кому-то из матросов, а сами принялись подниматься на борт. Стащили шлемы и тут же опрокинули по рюмке, закусили кусочками черного хлеба с толстым шматком мясных консервов на каждом.

Стивен на мгновение даже позавидовал этим ребятам. Он хорошо помнил, какое ощущение охватывает тебя, когда укрепленный на шлеме фонарь высвечивает подо льдом километры чистой прозрачной воды. Когда ты словно висишь в пустоте, а над тобой простираются бесконечные наслаивающиеся друг на друга льдины. И чувство эйфории, охватывающее тебя после подъема на поверхность от осознания того, что ты побывал в самой бездне и выбрался из нее живым, тоже помнил очень отчетливо. Как и первый обжигающий глоток водки и разливающееся по телу тепло. Впрочем, он был человеком слишком рациональным для того, чтобы поддавшись внезапному порыву, самому решиться на погружение. Возраст был уже не тот, да и положение руководителя экспедиции требовало от него решения других задач. И рисковать всем ради того, чтобы воскресить давно забытые ощущения, он бы никогда не стал.

Через пару часов, уже убедившись, что дайверы достали из-под льда именно то, что нужно, и связавшись с заказчиком, Стивен отдал приказ двигаться к берегам Норвегии. Уже близился вечер, и за стеклами иллюминаторов можно было наблюдать удивительный арктический закат. Солнце, налившееся обманчиво теплым оранжевым светом, опускалось за горизонт, окрашивая разными цветами ледяные глыбы. Снег искрился в его лучах, отливал то сапфирово-синим, то алым, то изумрудно-зеленым. Словно кто-то щедрой рукой рассыпал вокруг огромную горсть самоцветов, переливавшихся теперь в лучах заходящего солнца, которое через несколько минут должно было снова выплыть из-за горизонта, возвещая начало нового дня.

Когда Стивен уже собирался растянуться на узкой корабельной койке и уснуть, его вдруг позвали в рубку, сообщив, что кто-то вызывает его по спутниковой связи. Скомандовав радиостантам выйти на палубу и оставить его одного, Стивен взял трубку и сразу узнал знакомый глуховатый голос. Среди заказчиков Стивена попадались разные люди: боявшиеся разоблачения владельцы корабельных компаний, странные коллекционеры, экстремалы-любители, желавшие, чтобы им организовали погружение к какому-нибудь затонувшему объекту, бог знает чем привлечшему их внимание. Почти со всеми Стивен умел найти общий язык, скорректировать заказ, если нужно, или твердо отказаться, если задуманное заказчиком не представлялось возможным осуществить. Лишь этот голос стабильно вызывал у него оторопь и острое желание немедленно бросить трубку и скрыться в какой-нибудь самой отдаленной трущобе

мира. Этот негромкий, вежливый, порой даже ласковый голос обладал странным, парализующим волю действием.

– Здравствуйте, Стивен, как вы поживаете?

– Прекрасно, – отозвался он, тут же напрягаясь и чувствуя, как по спине, вдоль позвоночника, пробегают мурашки.

– У меня появилось дело для вас. Задача довольно непростая, но, думаю, вам под силу с ней справиться. Я уже обращался с этим вопросом к другим специалистам, но, к сожалению, удовлетворительного результата не получил. Вернее будет сказать, дело застопорилось на середине. Особой сложности в плане использования технологий оно не представляет, но сработать нужно будет чисто и аккуратно. Как вы это умеете. Могу я на вас рассчитывать?

Больше всего на свете Стивену сейчас хотелось бы буркнуть: «Я занят, ничем не могу помочь». Но он уже слишком давно крутился в этом бизнесе, чтобы понимать: отказ такому человеку чреват не просто потерей репутации. Не потратишь ему – и очень скоро окажется, что твоему судну по неизвестным причинам закрыт вход во все крупнейшие мировые порты, что постоянные заказчики обходят тебя молчанием и обращаются к другим, что у организаций, обеспечивающих государственную безопасность сразу нескольких стран, вдруг появились к тебе вопросы. Всплывут подробности каких-нибудь прошлых экспедиций или что-нибудь еще в таком же роде. Именно поэтому Стивен, поморщившись, словно от боли, и по привычке запустив пальцы в седеющие волосы, обреченно спросил:

– А о чем идет речь?

– Дорогой мой, вы же не ждете, что я стану обсуждать подробности заказа по телефону. Могу лишь сказать, что отправиться вам придется в Тихий океан, в район Соломоновых островов. Это не слишком нарушит ваши планы?

– Нет, нет, это меня вполне устраивает, – упавшим голосом отозвался Стивен. – В таком случае, где мы могли бы встретиться и обсудить детали?

– Вы вроде бы через два дня должны прибыть в Норвегию, порт Тронхейм, – предположили на другом конце линии.

И Стивен снова с досадой вцепился в волосы пальцами. Откуда ему это известно?

– Все верно, – ответил он.

– Отлично. К этому времени туда прилетит мой человек, он с вами свяжется. Надеюсь, вы все обсудите и придете к взаимопониманию. В расходах не стесняйтесь, я очень заинтересован в заказе. Удачи вам!

После этого мягкого напутствия в трубке раздались гудки. Стивен готов был в ярости запустить телефоном в стену, но сдержался – слишком хорошо он научился владеть собой за долгие годы. Совершенно незачем было давать понять команде, что новый заказ, каким бы он там ни был, вызывает у него подобные эмоции. Нужно держаться уверенно, всем своим видом внушая подчиненным, что ничего особенного в предстоящей операции нет – только так и можно сохранить свой авторитет и заставить людей тебя слушаться.

Посидев несколько минут на койке и собравшись с мыслями, Стивен сунул ноги в ботинки, набросил красно-синюю парку и вышел из каюты, чтобы найти Майкла. Нужно было предупредить его, что в ближайшее время им предстоит путешествие в южные широты. Пусть сразу по прибытии в порт займется необходимыми приготовлениями.

Дмитрий

Ночью шел дождь, а солнце с самого рассвета принялось шпарить, как заведенное. И вся влага с земли, с насыщенно-зеленых мясистых листьев, с белого, как зубной порошок, песка, испаряясь, словно зависала в жарком морском воздухе. Горячий пар окутывал все тело, кожа была липкой от пота, дышать было трудно. Дмитрий жил и работал здесь, на Соломоновых

островах, на крупнейшем острове архипелага – Гуадалканале, уже больше двух лет, но до сих пор не мог понять, полностью ли привык к местному климату. Хотя нельзя сказать, чтобы эти климатические условия были самыми суровыми, в которых ему приходилось когда-либо бывать. Жара и влажность, разумеется, несколько осложняли жизнь, но, сказать по правде, справляться с погодными условиями в тундре или в горах на Алтае было куда сложнее.

Еще труднее, чем с климатом, было свыкнуться с местной природой. Каждый раз, выходя на утреннюю пробежку, Дмитрий не мог избавиться от ощущения, что каким-то образом попал прямиком на разворот туристического буклета, рекламирующего прелести тропического отдыха. Причудливо изогнутая береговая линия уходила далеко к горизонту. Справа лениво катил тяжелые волны Тихий океан. Вода под солнечными лучами была словно раскрашена широкими полосами то синего, то бирюзового, то бледно-голубого цвета. Солнце, отражаясь в ней, щедро рассыпало по волнам золотые и серебряные искры, так что глазам было больно смотреть и приходилось щуриться. Волны медленно катились к берегу, сердито взвивались, оседали кудрявой пеной и, шипя, выплескивались на белоснежный песок.

Слева от пляжа шелестели крупными листьями пальмы – порой высокие, уходящие толстыми, покрытыми серой корой стволами куда-то под облака, порой низкие, приземистые, кончиками листьев подметающие землю. Среди деревьев виднелись домики местных жителей – все как один построенные на высоких сваях. Цунами здесь боялись как чумы, даже в тех частях Соломоновых островов, которым подобная опасность и вовсе не угрожала. Островерхия крыши с чуть более пологими по бокам скатами, крошечные веранды, на перилах которых сушились яркие рваные тряпки, перевернутые кверху дном деревянные лодки, старые снасти, кучи разноцветного мусора в кустах. Вот такой пейзаж Дмитрий видел каждое утро на протяжении почти двух лет.

Навстречу ему попала высокая женщина, которая волокла за собой огромный матерчатый мешок – должно быть, шла в центр, на рынок. И Дмитрий в который раз про себя отметил удивительную особенность местных жителей: их кожа была теплого темного оттенка, а курчавые волосы – светлыми, рыжевато-золотистыми. Станный, нигде больше им не виданный, но по-своему привлекательный контраст. За цветистую юбку женщины цеплялся ребенок – шоколадного цвета мальчишка лет пяти, в одних кое-как натянутых выгоревших шортах и с пышным облачком рыжих волос вокруг головы.

– *Zap maan*, – протяжно произнесла женщина на местном диалекте пиджин, представлявшем собой причудливую смесь официального английского, исковерканного порой до неузнаваемости, и остатков туземных наречий.

И Дмитрий привычно сухо кивнул и буркнул какую-то ответную любезность. Он вовсе не стремился входить в тесный контакт с аборигенами, завязывать какие-то дружеские или добрососедские связи. И женщины этой не помнил. Она же наверняка знала его в лицо – не так-то много было здесь европейцев, к тому же за столько месяцев, проведенных на острове, работник метеостанции, разумеется, успел примелькаться.

Как следует разогревшись, Дмитрий выбрал безлюдный участок пляжа и принялся делать упражнения. Приседания, отжимания, пресс. Он старался держаться в форме и к своим сорока трем пока не замечал за собой каких-то возрастных изменений. Тело охотно отзывалось на нагрузку, слушалось, оживало. Кровь бежала по жилам, и мышцы приятно гудели. Были времена, когда эти свидетельства собственного непобедимого здоровья, силы и мощи, доказательства того, что жизнь продолжается, несмотря ни на что, почти приводили его в отчаяние. Но время, неумолимое время, шло, утекало сквозь пальцы и притупляло боль, которая, как когда-то казалось, никогда не утихнет. Он давно свыкся с этим, смирился, и занятия спортом снова превратились в ничего не значащий ежедневный ритуал, привычный и машинальный.

После зарядки он стянул через голову футболку, положил ее на песок и, оставшись в светло-зеленых купальных шортах, пошел к морю. Здесь, в лагуне, море было совсем мелким, и к вечеру вода успевала сильно нагреться под лучами солнца. Но сейчас, утром, она еще омывала тело приятной прохладой. Прозрачная, еще не взбаламученная за день, искрящаяся в утренних лучах. Сквозь нее отлично просматривался белоснежный песок. И юркие прибрежные рыбки разноцветными стайками сновали туда-сюда. Он вошел в нее по пояс, постоял несколько секунд, привыкая и вглядываясь в линию горизонта, где море солнечным маревом сливалось с иссиня-голубым небом, затем взмахнул руками и нырнул в воду головой вперед.

Домик, выделенный Дмитрию для жилья, почти ничем не отличался от остальных местных хибар. Дощатое строение на высоких сваях, две крошечные комнатки с минимальным количеством мебели, узкая терраса, где едва можно было разместить гамак, спартанский душ. Единственным отличием было разве что наличие мощного кондиционера – все же климат Соломоновых островов был для него, россиянина, слишком тяжелым. К тому же, если на ночь оставлять окно открытым, в комнату набивалось огромное количество жутковатого вида тропических насекомых. Из кое-как прилаженного к стене над раковиной зеркала, перед которым брился Дмитрий, на него смотрело покрытое стойким ровным загаром лицо с крупными, но достаточно классическими чертами. Высокий лоб, твердый тяжелый подбородок, резкие скулы, тонкий в переносице нос, сурово сжатые губы, выгоревшие золотистые брови над светлыми глазами. Покончив с бритьем, Дмитрий пригладил отросшие русые с чуть рыжеватым отливом волосы, машинально отметив про себя, что пора бы подстричься. Все-таки он не очень хорошо переносил местную жару, а волосы, чуть отрастая, начинали ему мешать, от них делалось еще жарче, и ему начинало казаться, что на голову надета плотная шерстяная шапка. Ни в какие местные парикмахерские, где островные мастера, любители замысловатых экзотических причесок, предлагали обслуживание на любой вкус, он не ходил, не желая уделять своей внешности внимания больше, чем требовали обычные правила гигиены и здорового образа жизни. Поэтому раз в пару месяцев просто доставал из шкафчика в душевой машинку для стрижки волос и сбрасывал волосы, оставляя короткий ежик. Однако сейчас времени на бритье уже не было, и Дмитрий пообещал себе заняться собственной прической вечером.

К тому моменту как он вошел в помещение метеостанции, солнце пекло вовсю. День разгорался жаркий, и в воздухе не осталось и следа от утренней влаги. Несмотря на общую убогость и бедность местного быта, метеостанция, принадлежавшая Австралийскому институту геодезии, была оборудована по последнему слову техники. Возможно, еще и поэтому Дмитрий и двое его коллег вызывали такое почтение у аборигенов. Вероятно, они представлялись островитянам кем-то вроде жрецов загадочного и опасного бога Науки, целыми днями творивших в своем хромировано-электронном храме таинственные богослужения и приносивших жертвы во славу торжества прогресса. Жилые домики для сотрудников находились всего в нескольких метрах от метеостанции. За станцией располагалась огороженная просторная площадка, на которой были установлены две психрометрические будки – в одной были термометры, психрометр и гигрометр, во второй – приборы-самописцы, гигрограф и термограф. Кроме того, на площадке имелись термометры для измерения температуры почвы, приборы для измерения скорости ветра – флюгер Вильда, анемометр, измерители осадков и атмосферного давления. Дмитрий уже на подходе отметил, что полосатый «носок» – приспособление для определения направления ветра, уныло висит в воздухе, а вертушка рядом с ним почти не крутится. Утро стояло душное и безветренное.

Кроме Дмитрия, на метеостанции работали еще двое: Брайан – флегматичный британец лет около пятидесяти и Нил – студент из Сиднея, согласившийся приехать сюда на три месяца

учебной практики, за которую должен был потом получить приличные бонусы в университете. С Брайаном Дмитрий сработался отлично. Британец был одиночкой вроде него, не пытался лезть в душу и закадычной дружбы не предлагал. К тому же Австралийский институт не нанимал на свою метеостанцию кого попало. Чтобы попасть сюда, нужно было иметь определенный вес в научных кругах. И Дмитрию всегда было приятно при случае перекинуться с Брайаном парой фраз – как с человеком своего круга, находящимся с ним на одной волне. Работали они посменно, а потому пересекались лишь на несколько минут в день, обменивались приветствиями, сообщениями и, если была необходимость, договаривались о ремонте каких-либо вышедших из строя приборов. Нил же досаждал Дмитрию всю. Парень, призванный выполнять на станции обязанности секретаря и младшего помощника, постоянно околачивался без дела, болтал не переставая, сыпал шутками и сам же гоготал над ними, обнажая крупные очень белые зубы. Охоты действительно чему-то научиться, приобрести полезные навыки или заниматься научными изысканиями у него не было никакой. Что его в самом деле интересовало, так это прелестные местные девушки с темно-медовой кожей и золотистыми кудрями и ночные бары. Нил обычно являлся на работу, позевывая и благоухая вчерашним перегаром, однако после нескольких выволочек, устроенных ему Дмитрием, по крайней мере не опаздывал. Кое-как выполнив свои обязанности, он тут же принимался трещать, живописуя свои вчерашние приключения и победы. Отвлекал этот треп безбожно, и Дмитрий несколько раз рывкал на не в меру разболтавшегося стажера. Тот, кажется, давно уже должен был понять, что его коллега – человек замкнутый и некомпанейский. Возможно даже, он слишком хорошо это понял и теперь намеренно выводил Дмитрия из себя. Но выслать его назад у Дмитрия возможности не было.

Когда Дмитрий вошел в помещение, Брайан собирался уходить. Он с британской обстоятельностью вежливо кивнул Дмитрию и уже в дверях доложил:

– Ночью поступили кое-какие данные. Распечатку я оставил на столе. Посмотрите, может быть любопытно.

– Благодарю, – сдержанно отозвался Дмитрий.

Англичанин снова кивнул ему и вышел за дверь.

Дмитрий первым делом сходил на площадку снять показания приборов. Датчики, измеряющие световую и тепловую энергию от Солнца, приборы, определяющие силу и направление ветра, влажность воздуха, электролизер... Вернувшись в помещение, он передал собранные данные Нилу на обработку. Должна же, в конце концов, от этого пацана быть хоть какая-то польза. Нил плюхнулся в кресло перед компьютером, нажал пару клавиш на клавиатуре и тут же крутанулся на стуле:

– Вы не представляете, с какой девчонкой я познакомился вчера вечером. Ее зовут Нэнси, и она...

Дмитрий, смерив доставучего юнца убийственным взглядом (который тот, впрочем, проигнорировал, продолжая описывать прелести своего нового увлечения), подошел к своему столу и склонился над распечатками, которые оставил для него Брайан. Это были показатели самописца, отслеживающего сейсмоактивность у берегов Соломоновых островов. И одного взгляда на распечатки хватило Дмитрию, чтобы понять, почему Брайан посчитал показатели любопытными. Кавачи, подводный вулкан, расположенный километрах в тридцати от южной оконечности Вангуну, одного из островов Соломонова архипелага, этой ночью внезапно начал проявлять активность.

Все долгие месяцы, что Дмитрий провел здесь, на Соломоновых островах, он интересовался вулканом, изучал данные о случаях его активности и надеялся, что сможет наблюдать его очередное пробуждение. Этот вулкан аборигены именовали «Печь». В первый раз извержение его случилось в 1939 году, и с тех пор вулкан пробуждался к жизни еще восемь раз. Во время

извержений над кратером, находящимся глубоко под водой, поднималось облако пара высотой более 500 метров, хорошо видимое над поверхностью океана. В результате последнего извержения, 12 лет назад, в океане сформировался крошечный 15-метровый остров, но он довольно быстро исчез.

Все это было чрезвычайно интересно. Дмитрию, конечно, хотелось стать очевидцем редкого природного явления, но, честно говоря, он не особенно рассчитывал, что ему в самом деле так повезет. И вдруг – такая удача!

Он крепче сжал в руке распечатки показателей самописца и резко развернулся на месте, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

– А ее ноги... Боже, словно выточены из эбенового дерева, – распинался Нил, закатив глаза.

Затем поднял взгляд на коллегу и резко замолчал. Дмитрий старался ничем не выдать охватившего его радостного предвкушения, однако, должно быть, даже легкое оживление и чуть покрасневшее лицо были для всегда непоколебимо спокойного русского синоптика такими невиданными проявлениями эмоций, что Нил на время потерял дар речи.

– Мне нужно будет отлучиться, – сказал ему Дмитрий. – Вызови Тэда, нам понадобится буксир. Ты останешься на посту, я вернусь через пару часов.

– Есть, сэр, – дурашливо отозвался Нил и потянулся к телефону.

– Послушай, Нил, – начал Дмитрий. Ему не хотелось оставлять гиперактивного придурка одного на дежурстве. Но слишком велико было желание съездить посмотреть собственными глазами, что происходит там, в океане. А вызывать Брайана обратно после суточного дежурства было бы неэтично. Так что выхода не было. – Послушай, Нил, ты останешься здесь один. Должен ли я напомнить тебе о том, насколько важно, чтобы ты ни на что не отвлекался и не спускал глаз с датчиков?

– Пфф, вы что, меня за идиота держите? – обиженно отозвался Нил.

«Именно так», – хотел было подтвердить Дмитрий, но сдержался, лишь сухо откашлялся и вышел.

Тэд уже ждал его на пристани. Тэда, флегматичного датчанина с рыжеватой бородкой, можно было назвать четвертым сотрудником метеостанции, с той лишь оговоркой, что на самой станции он почти никогда не появлялся. Тэд управлял принадлежащим метеостанции буксиром, выходил на нем в море, когда было нужно, ассистировал при спуске под воду трактора-краба. Однако поскольку сотрудникам метеостанции не требовалось выходить в море регулярно, Тэд в остальное время подрабатывал тем, что перевозил грузы и пассажиров с одного острова архипелага на другой.

– Добрый день! Жарко сегодня! – приветствовал он подходящего к нему по причалу Дмитрия, вскинув вверх широкую красноватую на костяшках руку. В английском его, несмотря на долгие годы жизни вдали от родины, все равно слышался глуховатый скандинавский акцент.

Сколько Дмитрий помнил Тэда, он всегда всех приветствовал именно этими словами.

– Привет, – поздоровался Дмитрий. – Нужно будет подойти к Кавачи и спустить меня под воду минут на тридцать. Готов?

Тэд усмехнулся, будто бы поражаясь, как у кого-то вообще могли возникнуть сомнения в его готовности выполнить какое бы то ни было поручение.

Тэд и Дмитрий поднялись на буксир. Тэд отправился в рубку, взвел мотор. Тяжело заворчал двигатель, запах соли, морской воды и чуть подгнивших водорослей смешался в воздухе с резкой, едкой вонью солянки. Дмитрий, мгновенно переключившись на «морскую» походку – вперевалку (чтобы удержаться на покачивающейся палубе), прошел на корму посмотреть, в порядке ли трактор.

Миниатюрным трактором-крабом Дмитрий почти гордился. Это оборудование выбил для метеостанции именно он, убедив начальство в том, что в сейсмоопасном регионе от точности полученных данных могут зависеть тысячи жизней островитян. А получить данные о деятельности подводных вулканов, не спускаясь под воду, невозможно. Итак, руководство Сиднейского института скрепя сердце раскошело и выделило деньги. Вероятно, получить их было бы не так просто, не обладай имя Дмитрия достаточно солидным весом в научном мире. Трактор-краб прибыл к ним полгода назад, и с тех пор Дмитрий старался хотя бы пару раз в неделю выделить время, чтобы проверить машину, покопаться в ее внутренностях, если нужно, смазать маслом сложный механизм. Подводный трактор-краб давал ему такую степень свободы, которой раньше ни на одном из предыдущих мест работы у него не было. Возможность опускаться под воду, двигаться по дну океана, с помощью «клешни» краба поднимать со дна крупные и мелкие предметы, брать пробы... Ни о чем подобном он никогда и мечтать не мог. Все эти месяцы оставалось только досадовать, что такой многообещающий прибор мало используется по назначению, так как ничего интересного с точки зрения науки на протяжении долгого времени в прибрежных водах Соломонова архипелага не происходило. И вот сегодня, наконец, он сможет использовать весь спектр возможностей трактора-краба.

Дмитрий сдержанно улыбнулся и потер ладони. Тэд тем временем уже прогрел мотор, взялся за руль, и катер медленно отчалил от пристани. Дмитрий смотрел на пенные полосы, взметавшиеся за кормой буксира, на удаляющуюся береговую линию с ее пальмами и хижинами, на мелькавшее из-за крон тропических деревьев солнце. У берега притулились лодчонки местных жителей, справа остался порт с его массивными торговыми кораблями и тянувшимися вверх мачтами яхт богатых туристов. Теперь хорошо стали видны неказистые дома, расположенные вдали от берега, в центральной части острова. Где-то в глубине грудной клетки поднималось радостное предвкушение – он первым окажется на месте пробуждения подводного вулкана, первым возьмет пробы воды, газа и почвы в месте будущего извержения, первым сделает необходимые замеры. И все следующие ученые, которые захотят – если захотят – заняться изучением Кавачи, вынуждены будут пользоваться его данными. А может быть, ему даже повезет постигнуть до сих пор скрытую для науки причину, по которой вулканы вдруг начинают пробуждаться, а затем, изумив и напугав всех своей мощью, вновь засыпают – иногда на сотни лет.

Дмитрий снова, как и этим утром, на мгновение ощутил смутное изумление, что все еще способен на подобные эмоции, но затем просто выбросил все из головы и занялся осмотром трактора-краба. Он никогда не был любителем копаться в собственном подсознании, да и времени на переживания у него не было.

Тэд подвел буксир к обозначенному Дмитрием месту. Никакого облака пара над водой пока еще не было – вулкан только начал проявлять признаки активности. К тому моменту, как вулканическая активность достигнет пика, приближаться к Кавачи станет смертельно опасно. Но пока никакой угрозы не было – самое время провести необходимые для исследований измерения. Тэд заглушил мотор, бросил якорь и сообщил, что все готово к погружению. Дмитрий забрался в подводный трактор, чем-то напоминающий мини-танк на тяжелых сверхпроходимых «гусеницах», задраил люк, натянул через голову специально оставленный в кабине теплый свитер (несмотря на то что снаружи царил душная жара, внизу, под водой, температура понизится). Затем Дмитрий включил передатчик и дал Тэду команду приступить к погружению. Он знал, что сейчас тот с помощью лебедки начнет опускать трактор на дно.

Все действия проделывали они не впервой, однако всякий раз Дмитрий не мог избавиться от какого-то странного чувства внутри. Это было одновременно и предвкушение и волнение. Кто, как не он, мог знать, что шутить с океаном не стоит, что океан – мощнейшая стихия, перед лицом которой человек, называющий себя царем природы, беспомощное насекомое. В моменты погружения под воду, в которые, казалось бы, он должен был ощущать торжество

науки над природой, разума над стихией, Дмитрий как никогда остро чувствовал, как мал и жалок в действительности человек.

Вначале за толстым стеклом видны были верхние прозрачные слои воды. Сюда еще проникали лучи солнца. Изредка можно было даже заметить стайку рыб. Вообще-то рыбы в район вулканов обычно не доплывали, а собирались на рифе, но иногда за стеклом все же мелькали быстрые тени, видимо, самых любопытных морских обитателей.

Дмитрий отслеживал показатели датчиков. Давление постепенно росло, глубина увеличивалась. За стеклами стало совсем темно, значит, трактор погрузился достаточно глубоко. Здесь не было уже ни рыб, ни прочей живности – только илистая взвесь, висевшая в толще воды. Затем раздался резкий толчок – это трактор коснулся гусеницами дна. Дмитрий включил прожекторы, и за иллюминатором тут же загорелись два луча белого света, осветившие черно-синюю подводную даль. И Дмитрий в который раз ощутил трепет от соприкосновения с первозданной, не потревоженной человеком природой. Ни одной живой души, кроме него, на много километров вокруг, и гигантская толща воды над головой. Нечто космическое, нечто поражающее воображение.

Однако нужно было действовать. Дмитрий включил двигатель, заворчавший в отсеке для оборудования, который располагался под днищем его «камеры». Затем загрузил на мониторе карту морского дна, на которой заблаговременно обозначил цель поездки, запустил радар, и трактор принялся медленно двигаться по дну. Разумеется, сам вулкан невозможно было разглядеть отсюда, а подходить к нему вплотную было неразумно, но этот район вполне подходил для того, чтобы сделать информативные пробы воды и грунта.

Из темноты возникали очертания подводных скал, обточенных водой камней, расселин и впадин. Мимо трактора проносились потревоженные светом глубоководные рыбы. Перед Дмитрием расстилался удивительный мир океанского дна.

Добравшись до намеченной точки, Дмитрий запустил манипулятор, представлявший собой некий гибрид ковша экскаватора и железной руки на шарнирах. В иллюминатор ученому хорошо было видно, как «клешня», которой он управлял при помощи специального рычага, опустилась к самому дну. Дмитрий нажал кнопку, и сбоку из манипулятора выдвинулась небольшая емкость для воды, а затем, наполненная, задвинулась обратно. Вернувшись на поверхность, ученый достанет ее, герметично закупоренную, и отнесет в лабораторию.

Теперь нужно было взять пробы грунта. Для этих целей Дмитрий использовал встроенный в манипулятор «совок». Инструмент погрузился в илистую поверхность морского дна, зачерпнул грунт и спрятал его в специальное углубление в нижней части манипулятора. Емкость с пробой грунта вскоре тоже попадет в лабораторию.

Итак, материалы были получены, для первого, поверхностного исследования процесса этого хватит. Дмитрий снова включил прибор связи и скомандовал Тэду:

– Поднимай.

Через два часа Дмитрий, как и рассчитывал, уже вернулся на станцию. Настроение у него было приподнятое. Все удалось в лучшем виде. Пробы воды и грунта оставалось только отнести в лабораторию, и в свободное время можно было заняться их изучением. Но самым важным для ученого было то, что за каких-нибудь три четверти часа он прикоснулся к одному из самых загадочных явлений природы – мечта жизни многих и многих его коллег. Это впечатляло, вдохновляло, пробуждало новые мысли и стремления. Вероятно, ради таких вот моментов и стоило жить.

Когда Дмитрий вошел в помещение метеостанции, Нил, вздрогнув, поспешно закрыл какие-то вкладки на компьютере. Опять, должно быть, вместо работы лазал по соцсетям, придурок малолетний. Дмитрий, не тратя времени на то, чтобы отчитать нерадивого стажера (что,

как показывала практика, все равно ни к чему бы не привело), сразу прошел в лабораторию, оставил пробы и лишь затем вернулся обратно.

– Все в порядке? – коротко спросил он Нила.

– Да все о'кей, – радостно отозвался парень. – Что тут могло случиться? Все как по нотам, приборы работают, показания снимаются. Информацию я разослал...

– Какую информацию? – тут же насторожился Дмитрий.

– Да про вулкан, – с охотой отозвался Нил. – Ну вот эти графики, которые Брайан вам оставил.

– Куда разослал? – безнадежно уточнил Дмитрий.

Он, конечно, уже догадывался, что сейчас сообщит ему проклятый студент, и от этих догадок внутри поднималось какое-то нехорошее тоскливое чувство. Вот же, прислали ему на голову этого идиота, мать его. Где надо, он и пальцем не пошевелит, зато, где не надо, проявляет удивительную шустрость.

– Ну как же, – меж тем расплылся в радостной улыбке Нил, выставив на обозрение все свои крупные белые зубы. – Вот в эти научные институты, которым мы сообщаем данные о сейсмоактивности.

– А кто тебя просил отсылать им данные? – тихо переспросил Дмитрий.

Так было всегда: чем сильнее он злился, тем тише и спокойнее звучал его голос.

– А я же... А что, не надо было? – захлопал глазами придурок.

– А это ты сам очень скоро поймешь... Когда сюда съедутся десятки остолопов, мечтающих понаблюдать такое редкое явление своими глазами. И состряпать на нем свои бездарные докторские диссертации, – вот теперь Дмитрий, дав себе волю, загремел по-настоящему.

Нил при первых же раскатах его голоса тут же утратил свою извечную жизнерадостность, весь как-то пригнулся и заблеял:

– Но я же не знал... Но мы же всегда...

– Всегда? Всегда? Ты сидишь здесь три недели, ни хрена не делаешь и смеешь что-то вякать про то, что мы делаем всегда? – грохотал Дмитрий.

Про себя он понимал, конечно, что отправить данные все равно пришлось бы. Вот только это можно было бы сделать без всякой спешки, через несколько дней, а то и недель. И к тому моменту Дмитрий сам успел бы все исследовать и собрать необходимые данные. И, если бы сюда и нагрянули какие-нибудь жаждущие научных открытий дармоеды, ему они уже никак помешать бы не смогли.

Однако теперь дело было сделано. Рассчитывать на то, что Нил, целые сутки проводивший в Интернете, отправил письма куда-нибудь не туда, не приходилось. Уж в интернетных делах пацан, регулярно косячивший во всем остальном, как назло был спец.

– На площадку показатели снимать! Живо! – гаркнул на него Дмитрий.

И Нил, обрадованный тем, что появился законный повод сбежать от разбушевавшегося начальника, мгновенно испарился из комнаты. Дмитрий же тяжело опустился в кресло и прикрыл ладонью глаза. Что ж, теперь не сегодня завтра следовало ждать незваных гостей.

Мария

Павел еще сегодня днем сказал, отворачиваясь от компьютера и с хрустом разминая спину:

– Граждане ученые, а что, если нам вечером закатиться куда-нибудь в таверну? Посидеть, отдохнуть, мм? А то совсем уже позеленели все от своих изысканий, как будто и не на курорте живем.

И Мария внезапно поняла, что он прав. Она и в самом деле иногда по несколько дней не вспоминала, что за стенами их лаборатории расстилается прекраснейший греческий ост-

ров Санторини, шумят многочисленные пляжи, песчаные и галечные, шепчет что-то сапфирово-синяя ласковая морская вода, сладко пахнут магнолии и хохочут на запутанных узких улочках туристы. Круг ее интересов здесь ограничивался древним таинственным вулканом Тира. Мария, ученый-вулканолог, сотрудник Московского института океанологии, прибыла на Санторини полгода назад, получив грант, обеспечивший ей возможность принять участие в изучении древнего вулкана, некогда уничтожившего Крито-минойскую цивилизацию. Вместе с ней в Грецию отправились ее подчиненные, Павел и Ира. Здесь же они познакомились с другими учеными-вулканологами, съехавшимися для изучения вулкана Тира со всего мира.

Вулканы, которым Мария посвятила всю свою жизнь, казались ей удивительной тайной, о которой до сих пор еще людям удалось узнать так мало. Их существование в какой-то мере можно было назвать колыбелью человеческой цивилизации. Сам воздух, которым дышали люди в наши дни, был продуктом извержения вулканов 3–4 миллиарда лет назад. Древние греки считали, что извержения насылают на землю разгневанные боги. Марии же казалось, что вулканы, возможно, те самые боги и есть. Может быть, не боги, но уж точно одушевленные существа – каждый со своим норовом и особенностями поведения. Одни дремлют столетиями, обманчиво флегматичные и умиротворенные, другие сердито взрываются, сметая все на своем пути. И вспышки их гнева могут изменить весь ход мировой истории.

Нечто подобное случилось и здесь в 1600 году до н. э. Когда гигантский взрыв расколол тогдашний единый остров Тира, иначе Санторини, на четыре части, а вулканическая пена залила все существовавшие на тот момент на острове города, уничтожив их в считанные часы. При скорости 150 км/час и температуре более 600 градусов лава сожгла все на своем пути. Вулкан Тира находится в 130 км от Крита, так что облако вулканического пепла достигло острова менее чем за полчаса. Минойские дворцы охватило адское пламя.

От взрыва вулкана произошли землетрясения, повлекшие за собой цунами. Вершина вулкана провалилась после взрыва, образовав кальдеру, в воздух было выброшено огромное количество магмы. Стены вулкана не выдержали образовавшейся внутри пустоты и обвалились под собственной тяжестью. В обвалы, прямо на раскаленную лаву, хлынула морская вода, мгновенно превращаясь в пар, давление которого росло с огромной скоростью. В результате остров Санторини взорвался, как паровой котел. И это породило новую волну цунами. Громадная волна, высота которой достигала 200 метров, обрушилась на северное побережье Крита, окончательно уничтожив весь минойский флот, постройки и часть населения Крита и Кикладских островов. Крито-минойская цивилизация погибла.

Мария бывала на развалинах Кносского дворца, разрушенного тем самым адским извержением. Именно здесь, по легенде, обитал в лабиринте свирепый Минотавр, побежденный отважным Тесеем. Выбеленные солнцем камни некогда одного из самых величественных строений современности словно запечатлели в себе древнюю историю живших здесь когда-то людей. Бродя по обломкам, вдыхая терпкие, пряные, солнечные запахи Средиземноморья, Мария словно видела перед собой оживающие картины прошлого.

Извержение Тире направило всю европейскую цивилизацию по другому пути. Некоторые ученые считали даже, что Тира уничтожила целый континент – возможно, легендарную Атлантиду.

Извержение вулкана видели за 800 километров от острова, в Древнем Египте. Оно упоминается даже в Библии. Некоторые ученые считали, что именно с ним связан библейский эпизод об исходе евреев из Египта, в частности, о переходе Моисея через Красное море.

К настоящему времени от древней Стронгилы остался только видимый полумесяц с отвесной скалой более 300 метров в западной части и пологими пляжами в восточной.

Всю эту историю Мария знала наизусть, кажется, еще с детства. Точно, это ведь отец в своем вечном толстом сером свитере грубой вязки и в очках с замотанной синей изоляцией левой дужкой рассказывал ей о загадочном древнем вулкане. Отец и сам был вулканологом,

но в те годы изучать Тиру мог только по фотографиям и описаниям. Организовать в институте экспедицию за границу было не так-то легко. Отец много лет потратил на достижение своей цели, но, не дожив, скорострительно скончался буквально за пару месяцев до старта им же самой организованной экспедиции. А осуществить его мечту выпало Марии. Только вот папа об этом не узнает, его уже почти 15 лет как нет в живых.

Мария помнила то радостное предвкушение, что охватило ее, когда они первый раз подплывали к древним островам вулканического происхождения. Как дух захватывало от вида торчащих из воды базальтовых глыб странной формы – раскаленная лава, соприкасаясь с водой, принимает иногда самые причудливые очертания. Как удивительно было видеть, что многие дома местных жителей лепятся прямо к скале, как ласточкины гнезда, а часть жилищ вырублена прямо в кальдере. Выходит, они совсем не боятся мощи этих загадочных и грозных существ? Научились мирно сосуществовать с ними? Укротили их? Или только думают, что укротили? Ведь само появление островов означает, что вулкан восстанавливается. Что он будет расти еще годы и годы, а затем снова рванет, такова уж его природа.

Что ж, в таком случае, изучить жизненные циклы этого вулкана, научиться точно предсказывать его последующее поведение – как раз ее задача. И, возможно, именно благодаря ей удастся когда-нибудь спасти жизни потомков людей, так беспечно выстроивших свои жилища на самом краю бездны.

Наверное, именно эта мысль так увлекла ее, заставила с головой уйти в работу, так что Мария ничего толком и не видела на прекрасном острове, ставшем своеобразной Меккой для тысяч туристов. А впрочем... Кого тут обманывать, она прекрасно знала саму себя. Вопрос приоритетов для нее даже не стоял еще в детстве, когда Маша, не задумываясь, пропускала школьные вечера и дискотеки, если была возможность поехать на областную олимпиаду по физике или просто посидеть с отцом над интересной задачей. Еще тогда было очевидно, что наука навсегда останется для нее на первом месте.

Нет, разумеется, она не была каким-то анекдотическим «синим чулком» или мультяшным сумасшедшим профессором. Присутствовали в ее жизни и спорт, и книги, и кино, и увлечения. И, глядя на себя в зеркало, Мария прекрасно отдавала себе отчет в том, что она – привлекательная молодая женщина: с легкой подтянутой спортивной фигурой, с тонкими чертами лица, тяжелой копной слегка выющихся русых волос, здесь, на греческом солнце выгоревших до золотистого оттенка, со светлыми глазами, способными в зависимости от настроения менять оттенок от льдисто-голубого до темно-фиалкового. Она отлично сознавала, как воздействует ее красота на мужчин, и понимала, что, появившись у нее такое желание, могла бы кружить головы и сводить с ума поклонников. Вот только все это интересовало ее постольку-поскольку, оттесняясь на задний план очередной сверхинтересной научной проблемой. И к своим тридцати пяти годам Мария имела неплохую, по ее собственной оценке, научную карьеру, имя, достаточно известное среди вулканологов всего мира, сотни опубликованных работ, докторскую степень и полную свободу, позволявшую ей, не оглядываясь ни на кого, срывать в любую точку мира в поисках решения очередной научной загадки.

И только иногда, когда – вот как Павел сегодня – кто-то обращал ее внимание на то, что она слишком уж с головой ушла в работу, она словно выныривала на поверхность и обнаруживала, что за пределами лаборатории, служившей ей в этот жизненный период очередным временным домом, тоже существует жизнь.

Сейчас, когда они расположились в тихой, укрытой от вечно гомонящих туристов, таверне, куда привел их Павел, пили вино и прислушивались, как флиртует с посетительницами бармен Христофор, молодой грек, прекрасный, как ожившая античная статуя, Мария с интересом рассматривала окружающую обстановку, впитывала ее звуки и запахи и всему удивлялась, словно и не провела тут, на Санторини, последние полгода. Над городом уже ступали мягкие сумерки. В небе, только начавшем темнеть, вспыхивали и мерцали бледные

звезды. Внизу, у подножия скал, тихо плескалось море, оседаая кружевной пеной на базальтовых выступах. Подступавшая вечерняя прохлада пахла солью, терпким виноградом, кофе, камнем и пряностями. Над их головами сплетались, спускаясь с навеса над столиками, курчавые виноградные лозы, и темные листья шелестели на легком ветру, отбрасывая на лица посетителей таверны причудливо изрезанные тени. В тарелках, выставленных перед ними на столе, остывала долма – шарики из бараньего фарша, завернутые в виноградные листья. Павел потянулся через стол, взял фарфоровый соусник и накапал в тарелку несколько густых, пахнущих чесноком и зеленью капель. Где-то принялись тихо наигрывать мелодичную греческую песню. Чуть заунывная тягучая музыка полилась над голубыми крышами утихающего к ночи греческого города-острова. Звуки струнных инструментов словно бы замирали в воздухе, а затем соскальзывали прямо в серебящуюся морскую воду.

– Приятное место, – улыбнулась Маша, откидываясь на спинку плетеного стула. – Как ты его нашел?

– С Ирккой поссорились, – отозвался Паша, за плечи притягивая к себе жену. – Пошел пройтись и случайно забрел сюда. Ее иногда как накроет, хоть из дома беги. – Он, улыбаясь, поцеловал жену в висок.

– Что? – сквозь смех возмущенно отозвалась Ирина. – Посмотрела бы я на тебя, если бы тебя раздуло, как воздушный шар. Думаешь, тебе удалось бы всегда сохранять свою знаменитую выдержку?

Она показала глазами на свой выпирающий из-под платья круглый живот, и Паша, все еще смеясь, покачал головой:

– Пф, да я бы вообще свихнулся. Слава богу, проблему мужской беременности науке решить еще не удалось. А ты мой стойкий оловянный солдатик!

Мария с улыбкой наблюдала за их шутиливой перепалкой. Павел и Ирина работали вместе с ней в одной лаборатории в Москве. Обоих она знала не первый год, и, когда между ними начало наклеиваться что-то более глубокое, чем дружба и взаимовыгодное сотрудничество, Мария заметила это первой, может быть, даже раньше самих ребят. Нельзя сказать, чтобы их чувства ее обрадовали. Ей тогда казалось, что любовная интрижка между сотрудниками лаборатории внесет в атмосферу на работе ненужное напряжение. Начнутся какие-нибудь хихиканья, переглядки. Вместо содержательных дискуссий и аргументированной защиты своего мнения появятся какие-нибудь «как скажешь, дорогая», «ты совершенно прав, милый». Не говоря уж о том, что случится, если у ребят ничего не получится. Если они в конце концов разбегутся, но все равно будут вынуждены проводить вместе по восемь часов ежедневно. Тогда их лаборатория и вовсе превратится в ад.

Но, вопреки ее опасениям, оказалось, что все получилось в лучшем виде. На работе ребята как будто бы вообще забывали, что они муж и жена. Во время научных споров сцеплялись так, что искры летели, поблажек друг другу не делали. Можно даже сказать, что этот неожиданный роман повысил производительность труда в лаборатории. Они теперь не спешили убегать по окончании рабочего дня: ни у кого из них, ясное дело, не было запланировано больше никаких свиданий и встреч, не нужно было предупреждать вторую половину о том, что задержишься, а значит, всегда можно было остаться подольше поработать над важным экспериментом.

Пожалуй, единственным осложнением за все время их отношений стала неожиданная беременность Ирины, случившаяся уже здесь, на Санторини. Впрочем, и Павел, и Ира единогласно решили, что это обстоятельство ничем не мешает им выполнять запланированную работу. Павел лишь настоял, чтобы Ира держалась подальше от экспериментов с радиоактивными веществами.

И сейчас, глядя на шутиливо переругивающуюся пару, Мария думала, что, наверное, это большая, редкая удача – получить в партнеры единомышленника, человека, увлеченного

одним с тобой делом. Только тогда людям и удастся успешно совмещать в своей жизни семью и работу. Ей, например, никогда этого не удавалось. Все те немногочисленные связи, которые можно было бы хоть с натяжкой назвать «отношениями», у нее рушились именно из-за работы. Когда вдруг появлялись претензии: «Где ты была? В лаборатории? До двух ночи? Ты что, меня за идиота держишь?» Когда в ответ на сообщение о том, что она уезжает в интересную экспедицию, ей отвечали: «И ты просто вот так сама все решила? Даже не посоветовалась? Уехать на полгода? А как же мы?» Когда у нее просто не хватало ни нервов, ни душевных сил на выяснение отношений (нужно было не расплыться, сосредоточиться ни диссертации), она принимала решение всегда быстро, разом, и никогда, ни единого раза решение это не было в пользу личной жизни. В целом она давно решила для себя, что, видимо, брак не для нее. Ну не всем же быть символами вечной женственности, хранительницами очага и понимающими женами. Ей точно не дано. И только глядя на Пашу с Ирой, она иногда задумывалась: а ведь вот так же могло бы быть и у нее. Так бы, наверное, получилось. Впрочем, все это всего лишь гипотеза, не подтвержденная эмпирическим путем, на которую и время-то тратить не стоит.

Вечер шел своим чередом. Они смеялись, болтали о пустяках (в начале вечера Паша потребовал не говорить о работе), слушали музыку, глазели на посетителей – все больше местных, загорелых до черноты горбоносых мужчин и женщин с темными, как будто чуть влажными глазами. И вдруг в сумке Марии звякнул мобильник – пришло какое-то письмо. Она потянулась за телефоном, и Паша тут же хохотнул:

– Ага, кто-то сейчас проспорит десятку. Мы же договорились в начале вечера: кто первым не выдержит и полезет проверять рабочую почту, тот проиграл.

– Может, это вовсе не по работе, – толкнула его в бок Ира. – Может, это личное сообщение.

Павел недоуменно поднял брови, как будто бы слово «личное» никак не ассоциировалось в его голове с Марией. Но потом, кажется, спохватился и мотнул головой:

– Все равно, если письмо окажется рабочим, Маша проиграет.

– Тебе прямо не терпится получить мои десять евро? Или ты боишься, что не выдержишь и первым сломаешься? – поддразнила его Мария.

Она нащарила в сумке аппарат, открыла почту и пробежала глазами письмо. Ира с Пашей о чем-то тихо переговаривались за противоположным концом стола, тихая музыка окутывала таверну, в нише, на низком диванчике, громко смеялась расположившаяся там компания, колыхались на легком морском ветерке курчавые виноградные лозы, спускавшиеся с крыши, но Мария ничего этого уже не видела и не слышала. Короткая информация, заключенная в мелких строчках письма, сразу же захватила ее, сердце замерло на мгновение, затем тяжело бухнуло в груди и застучало тревожно и радостно.

– Ну? Что там? – спросила Ира. – Скажи этому зануде, что ты не проиграла!

– А? – откликнулась Мария. – Я? Нет, я проиграла. Но вот мы все, кажется, выиграли!

– Что там такое? – тут же заинтересовался Паша, поднялся со своего места, обогнул стол и сел рядом с Марией, заглядывая в ее телефон через плечо.

В их компании такое поведение считалось в порядке вещей. Каждый знал, что его коллега в жизни не проявит какую-нибудь бестактность и бесцеремонность и в личную переписку не полезет. Что же касалось рабочих моментов, то иногда было просто удобнее и быстрее читать вместе один и тот же документ, и никто из них в таких случаях не возмущался.

– Видишь? – Быстро обернулась к Паше Мария. – Кавачи!

– Да что там такое? Мне тоже интересно! – возмутилась Ирка и привстала со своего места.

– Сиди! – тут же остановил ее Паша, бросив поспешный заботливый взгляд на круглый живот жены. – Я так расскажу. В общем, это из института. На Соломоновых островах,

вблизи Гуадалканала, начал подавать признаки активности местный подводный вулкан Кавачи. Они получили сообщение от тамошней метеостанции, находящейся в Хониаре.

– Это же... – подхватила Ирка. – Подождите, насколько я помню, Кавачи по своим геофизическим свойствам очень похож на Тиру. То есть... то есть можно поехать туда и своими глазами понаблюдать, как все могло происходить здесь много веков назад?

– На самом деле, я не уверен, – нахмурился Павел. – Мы здесь находимся по гранту, у нас расписан весь бюджет экспедиции. Кто нам разрешит срываться с места и ехать через полмира?

– Разрешат! – решительно хлопнула ладонью по столу Мария. – Пусть только попробуют не разрешить! Я им такие выкладки представлю, я... – Она чувствовала, как внутри поднимается раздражение – так случалось всегда, когда какие-то человеческие факторы – будь то чувства, сложности с бюрократией или нехватка денег – вставали между нею и ее очередной идеей. – Я напишу обоснование, добьюсь того, что нам увеличат бюджет и выдадут разрешение.

– Конечно, – подхватила Ирка. – Тем более, нам же не нужно ехать туда надолго. Только на неделю, может быть, дней на десять. Взять пробы воды и грунта в нескольких местах в окрестностях вулкана. Маш, а как быть с батискафом?

Мария и сама успела уже об этом подумать, поэтому быстро ответила:

– Батискаф можно перевезти самолетом. В целом, если нам удастся по-быстрому убедить во всем руководство, запросить перераспределение бюджета, мы сможем выехать уже через три-пять дней.

– Отлично! – воодушевленно отозвалась Ирина.

– Так, стоп, – тут же вступил Павел. – Ты никуда не едешь!

– Это почему? – воинственно обернулась к нему жена.

– Почему? Мм... даже не знаю. Может, потому что ты на шестом месяце?

– И что? Я беременная, а не инвалид. И я не собираюсь там погружаться, если ты об этом. Я готова оставаться на борту, заниматься обработкой данных, контролировать ваше погружение. Там же и камеральной работы будет полно, что, скажешь, нет?

– А суточный перелет? А смена климатических поясов? Да ради бога, это же другой конец земли, Австралия! – кипятился Павел.

Марии совершенно не хотелось участвовать в этой семейной разборке. Смутное сожаление о том, что ей так и не удалось встретить спутника жизни, который разделит бы ее интересы, тут же развеялось. Боже, какое все-таки счастье, что она ни с кем не связана и не перед кем не обязана отчитываться. Ну, разве что перед институтским начальством.

В тот вечер Мария быстро распрощалась и ушла из уютной таверны, оставив коллег разбираться со своими семейными проблемами без ее участия. Честно говоря, она была уверена, что Ирка все же продавит Пашу и выбьет себе право ехать в экспедицию. Однако на следующий день, когда институт, хоть и со скрипом, но утвердил Машино начинание, Павел сказал ей, что группу нужно будет формировать без Иры. Та кинула на него убийственный взгляд через всю лабораторию, но промолчала. Значит, когда речь шла о безопасности и благополучии будущего ребенка, приоритеты в этой паре расставлялись немного иначе.

– Ладно, – кивнула Мария. – Я поняла.

На самом деле, обидно, конечно, было, что на этот раз придется разрушать уже слаженную команду, но Маша всегда старалась уважать решения других людей и свою точку зрения не навязывать. Тем более в вопросе, где она, в силу отсутствия опыта, компетентным специалистом быть не могла. Раз Павел с Ирой решили, что для нее будет правильнее остаться, вероятно, так оно и есть.

– Тогда кого возьмем третьим? – только и спросила она у Паши. – Нужен человек надежный, которому можно доверять. И аккуратный, внимательный. А вот опытом он может и не обладать: погружаться с нами ему не придется, нужно только держать связь на борту и фиксировать данные.

– Диллан? – в задумчивости потерев затылок, предложил Паша.

Маша коротко мотнула головой, отвергая эту кандидатуру. Затем сама предложила:

– Радж?

– У него эксперимент в разгаре, не бросит, – напомнил Паша. – Может, Фернан?

Вот это, пожалуй, была самая подходящая кандидатура. Фернан, молодой ученый из Франции, характером обладал легким, ненавязчивым, энтузиазмом непревзойденным, а также умел легко сходитьсь с людьми и, используя врожденное обаяние, добиваться от них расположения и готовности помочь в любых его начинаниях. Фернан будет незаменим, когда придется утрясать всякие детали уже на месте.

– Идет, – кивнула Мария, и они с Пашей ударили по рукам своим особым, отработанным за годы совместной работы способом.

– Ублюдки! Ненавижу вас! – обиженно буркнула Ирина, но тут же улыбнулась, показывая, что слова ее – всего лишь шутка.

– Ир, ну я тебе обещаю, в следующую экспедицию поедешь ты. А я останусь с малышом, даже ныть не буду, честно! – заверил ее Паша.

– Маш, ты слышала? – обернулась к ней Ирина. – Будешь свидетелем, когда этот обманщик начнет утверждать, что ничего такого не говорил.

– Можешь на меня рассчитывать, – со смехом кивнула Мария.

Открывшаяся возможность так увлекла Марию, что она тут же взялась за дело. Принялась выбивать у Московского института океанологии деньги на проект, договариваться о перевозке батискафа, заказывать билеты на себя и своих сотрудников, оформлять визы. Она всегда отличалась удивительным упорством, и когда ей что-то было нужно, напористость Марии напоминала асфальтовый каток. И, конечно же, ей снова в рекордные сроки удалось сделать почти невозможное. Бюджет, хоть и ограниченный, им выделили, визы выдали. Не доверяя никому, она сама лично ездила на аэродром и проследила за погрузкой батискафа в самолет. Стартовавшая вскоре экспедиция включала в свой состав руководителя и главного геолога, профессора, доктора наук Марию Серебрякову 35 лет от роду, инженера, кандидата наук Павла Дубенко 33 лет от роду, двадцатисемилетнего французского инженера Фернана Ферье (подвижного парня с гибкой, какой-то гуттаперчевой фигурой и темной косой челкой, спадающей на смеющиеся оливковые глаза) и механика, отвечающего за работу батискафа, Михала Квятковского, – сорокалетнего поляка с пшеничной бородой, мягкими завитками курчавившейся вокруг рта. Состав был утвержден, одобрен и отправлен в путь.

В аэропорту Ираклиона Павел по-быстрому притянул к себе провожавшую его Ирку, прильнул губами к ее виску и что-то шепнул на ухо, отчего та вдруг залилась краской и захихикала. Мария, махнув ей рукой, быстро отвернулась. Черт знает почему, смотреть на чужое счастье все же было слегка болезненно. Не зависть, нет, подобного она никогда себе не позволяла. А какое-то тоскливое ощущение, что вот ей такого не дано.

– Смотри, не геройствуй тут без меня, – уже на ходу, обернувшись к жене, крикнул Павел.

– О, будь уверен! Только тебя провожу – и сразу полезу в жерло Тиры, – фыркнула та.

– Ты вообще что-нибудь знаешь про Соломоновы острова? – спросила Маша Павла в самолете, уже после первой пересадки.

За иллюминаторами повисли комьями слежавшейся ваты сизо-белые облака, самолет перестал набирать высоту, ремни разрешили отстегнуть, и по салону начали курсировать стройные стюардессы, разнося соки и прохладительные напитки.

Паша дернул плечами:

– Сам не был, но в детстве когда-то читал книжку «Охота за головами на Соломоновых островах». Очень рекомендую. Там, знаешь, описывается, как правильно вымачивать в морской воде человеческое мясо, чтобы потом при готовке оно не потеряло полезные свойства.

– Брр, – содрогнулась Маша. – Ну, надеюсь, в двадцатом веке там у них все немного изменилось и белых теперь не едят?

– Кто знает, кто знает, – страшным «демоническим» голосом отозвался Паша.

С переднего ряда кресел к ним обернулся Фернан и заговорил с грассирующим французским акцентом:

– Я был на Соломоновых островах. Там удивительно красивые жители – темнокожие, но с рыжевато-золотистыми волосами. И очень приветливые, все время улыбаются.

– Это, чтобы быстрее тебя съесть, дитя мое, – продолжал подначивать их Павел.

– Да ну, перестань, – со смехом отмахнулся Фернан. – Хониара – нормальный современный город. Хотя и похож на деревню. Такой тихий... Но клянусь вам, там давно уже никого не едят. А пляжи! Какие пляжи... И еда. Боже мой, когда вы попробуете рыбу, только что выловленную из моря и запеченную на углях по местному рецепту, вы поймете, что у соломонцев нет никакого резона есть вас.

– Ладно, – отозвалась Мария. – Раз ты так хорошо осведомлен, будешь нашим проводником. Мне нужно будет посетить местный порт, зафрахтовать корабль для экспедиции. Но для начала все же наведаться на метеостанцию и узнать все из первых рук.

Она откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза. Самолет мягко покачивался, усыпляя, убаюкивая. Но уснуть Мария не могла от переизбытка чувств, вся во власти приятного предвкушения. Скоро, уже совсем скоро она увидит собственными глазами, как столб белого пара поднимается над морем.

2

Дмитрий

То, что с этой женщиной они не найдут общего языка, Дмитрий понял сразу. Черт возьми, разве не достаточно было того, что благодаря щенячьему энтузиазму Нила на них теперь должна была свалиться куча претендентов на научные открытия мирового масштаба?! Надо ж было судьбе так расстараться и подсунуть ему бабу-ученого! Чем, интересно, он так прогневил бога?

В тот день, еще только поднимаясь по ступенькам к домику на сваях и слыша возбужденное щебетание Нила из-за двери, он сразу понял, что к ним в гости забрела какая-то особа женского пола. Стал бы иначе Нил так распинаться, сыпать шутками и сам же первый над ними хохотать! Но у Дмитрия оставалась еще надежда, что Нил, воспользовавшись тем, что Дмитрий отлучился снять показания приборов, пригласил на станцию какую-нибудь местную прелестницу. В таком случае достаточно было бы по-быстрому вытурить красотку, наорав на любвеобильного стажера, и проблема была бы решена. Но стоило Дмитрию войти в здание метеостанции и увидеть, с кем беседует Нил, как сразу стало ясно, что здесь так просто не получится.

Женщина, перед которой выламывался проклятый студент, была, во-первых, европейкой, во-вторых, явно заявила к ним не случайно, о чем свидетельствовал хотя бы ноутбук, который незнакомка держала в руке. Прикрывая за собой дверь, Дмитрий услышал, как та спросила Нила:

– Значит, сами вы наблюдений на месте не вели? Только ваш напарник?

Из ее слов Дмитрий понял, что, во-первых, девица эта приехала сюда из-за вулкана, а во-вторых, что Нил успел уже насвистеть ей в уши по поводу значимости собственной должности. Напарник, глядите-ка! К тому же говорила женщина с легким акцентом, по которому он сразу догадался, что незнакомка была его соотечественницей. Но до поры до времени решил своих догадок не выдавать.

– Приветствую вас, – громко поздоровался он, привлекая к себе внимание. – Чем могу быть полезен?

Женщина обернулась и скользнула по нему быстрым взглядом. Теперь, разглядев ее получше, Дмитрий мог только досадливо выругаться про себя. И эта фифа, словно выскочившая прямиком из Голливуда, небось считает себя ученым? Нет, определенно судьба сыграла с ним злую шутку.

Гостья, стоявшая перед ним, была одета в идеально отутюженные белые шорты со множеством карманов и темно-зеленую майку без рукавов. Должно быть, считала, что выглядит скромно и практично. На деле же эти тряпки как будто специально были созданы для того, чтобы подчеркивать достоинства ее стройной, спортивной фигуры – длинные загорелые ноги, чуть узковатые бедра, высокую грудь, сильные руки с четко прорисованными мышцами. Неудивительно, что Нил распустил тут слюни. Однако точеной фигурой красота незнакомки не ограничивалась. Природа наделила ее еще и правильными чертами лица, светлыми, цвета прозрачного аквамарина глазами, нежной загорелой кожей, копной тяжелых золотисто-русых волос, которые она привычным движением постоянно откидывала за спину, чтобы не падали на лицо. Ну и что эта примадонна тут забыла? Небось втрескалась в какого-нибудь брутального ученого и вообразила себя преданной спутницей гения? Таскается теперь за ним, якобы исполняя функции личного секретаря, на деле же только мешает, отвлекает от работы и заводит свары в экспедициях.

Женщина меж тем шагнула напрямик к Дмитрию и улыбнулась какой-то удивительной, подкупающей, светлой, солнечной улыбкой.

– Здравствуйте, – сказала она, протягивая руку для пожатия. – Меня зовут Мария Серебрякова, я сотрудник Московского института океанологии. В настоящий момент моя лаборатория получила грант на изучение Тиры – вулкана, находящегося на Санторини. Недавно с вашей метеостанции поступили сведения о том, что начал подавать признаки активности прибрежный вулкан, который по своим геофизическим свойствам подобен вулкану Тира. И я получила разрешение провести здесь некоторые исследования, которые могли бы помочь мне в моей основной работе пролить свет на то, что произошло на Санторини много сотен лет назад.

– Так вы русская? – удовлетворенный правильностью своей догадки, спросил Дмитрий, переходя на русский язык.

– Да, – удивленно отозвалась Мария. – Вы тоже из России? Как приятно встретить соотечественника.

Нил, до сих пор блаженно скалившийся, услышав, что беседа вдруг перешла на незнакомый ему тарабарский язык, заволновался, подскочил со стула и принялся переводить взгляд с Дмитрия на Марию и обратно. Он, видимо, решил, что чертов метеоролог решил использовать какой-то гнусный прием, чтобы стащить у него из-под носа уже практически завоеванную добычу. Дмитрий нисколько не сомневался в том, что Нил уверен, будто произвел на Марию неизгладимое впечатление, покорила ее и разжег у нее в груди пылающие чувства. Самоуверенности малолетнему придурку было не занимать.

– Вы случайно не дочь профессора Серебрякова? – спросил Дмитрий.

И Мария радостно кивнула:

– Вы знали моего отца?

– Не лично, – отозвался Дмитрий. – Просто наслышан.

Итак, ситуация вырисовывалась довольно ясная. Значит, вначале он ошибся, но не так уж сильно. Эта куколка потащила в науку не за любовником, а за отцом. Наверное, комплекс ребенка гения, или как там это называется? Доказать вечно занятому папочке, что ты тоже человек, привлечь внимание любой ценой. Только вот почему он, Дмитрий, должен со всем этим нянчиться?

Дмитрий тяжело опустился на стул и смерил Марию недружелюбным взглядом. Та смотрела на него с некоторым недоумением, но не враждебно. Нил тут же подскочил:

– А хотите чаю? Вы вообще когда прилетели? Устали, наверное, с дороги? Еще ведь и перемена часовых поясов... Может, вам местные достопримечательности показать?

– Нил, заткнись, – шикнул на него Дмитрий. Затем перевел взгляд на Марию: – Так чего вы хотите конкретно от меня? Зачем приехали?

– Мм... сейчас объясню, – отозвалась та. – Только можно я для начала сяду? – добавила, подпустив в голос язвительности. Но Дмитрий пропустил ее сарказм мимо ушей. Не собирается он тут разыгрывать перед этой дамочкой галантного джентльмена. – Нил, милый, вы не принесете мне стул? – обратилась меж тем Мария к балбесу-студенту.

– Конечно, – тот тут же радостно сорвался с места, на лету опрокинул чашку кофе (которую Дмитрий приготовил себе еще до того, как пошел снимать показания с приборов), чертыхнулся на бегу, но, не останавливаясь, промчался в соседнюю комнату и с победным видом выволок оттуда колченогий стул. – Подойдет?

– Конечно, спасибо, – Мария одарила его одной из своих ласковых улыбок, и Дмитрий подумал про себя, что Нилу теперь эротических фантазий еще на неделю хватит.

– Вот посмотрите, – Мария пододвинула стул поближе к Дмитрию, открыла ноутбук и принялась тыкать пальцем с коротко обрезанным ногтем в открытый на экране документ. – Вот план экспедиции. Конечно, он составлен немного поспешно, но, сами понимаете, особенно много времени у меня не было. Итак, запланировано двенадцать погружений батискафа...

– Батискафа? – насмешливо перебил ее Дмитрий. – И где вы тут собрались взять батискаф?

– Батискаф я привезла с собой. Я сегодня, как только прилетела, сразу же проверила в аэропорту, и все в порядке, батискаф на месте, прибыл сегодня утром незадолго до нас, – терпеливо, но с уже слышавшимся в голосе напряжением ответила Мария. – Вот здесь, на чертеже вы видите точки, где я намереваюсь брать пробы. Конечно, схему придется скорректировать на месте, поскольку мне известны только приблизительные параметры. И здесь я очень надеюсь, что вы мне поможете. Скажите, пожалуйста, вы уже брали какие-нибудь пробы? Может быть, проводили опыты? Разработки? Мы могли бы скооперироваться и общими усилиями...

– С чего бы мне это делать? – жестко оборвал ее речь Дмитрий.

Мария заморгала, кажется, обескураженная его неприветливостью. А Нил, в это время как раз пытавшийся вытереть пролитый кофе, неодобрительно покосился на Дмитрия. По-русски он, ясное дело, не понимал, но тон-то уловить мог, и явно был недоволен тем, что шеф так по-хамски общается с прекрасной посетительницей.

Мария, тем временем, уже овладела собой и ответила с вызовом:

– О, даже не знаю. Может, потому что вместе мы могли бы получить лучшие результаты. У вас есть опыт наблюдений за здешним вулканом, у меня – огромные наработки по Тире. Нецелесообразно будет, если мы станем повторять друг друга в исследованиях, в то время как можем просто поделиться результатами. Понимаете?

– Понимаю, что вам кажется очень заманчивым воспользоваться чужим трудом. И на основании чужих изысканий построить исследование, которое потом можно будет выдавать за свое, – едко возразил Дмитрий.

Возмущенная Мария вскочила со стула. Дмитрий заметил, как взметнулись золотистой волной ее тяжелые волосы и гневно распахнулись глаза. Ого, а дамочка-то с характером. Сейчас в драку полезет. Но Мария, переведя дыхание, сказала почти спокойно:

– Мне кажется, у вас нет оснований так обо мне думать и огульно обвинять. Вы меня даже не знаете.

– Вот именно, не знаю. Ничего о вас не слышал. И доверять вашему профессионализму не имею ни малейших оснований, – развел руками Дмитрий.

– Что ж, ладно, думаю, я вас поняла, – сдержанно отозвалась Мария, хотя Дмитрий и видел, что в глазах у нее молнии сверкают. – В таком случае, до свидания и простите за беспокойство.

Она сделала шаг к выходу, и Нил, сообразив, что прекрасная незнакомка сейчас исчезнет, тут же затараторил:

– Вы уже уходите? А как же чай? А где вы остановились? Может, вечером встретимся, я покажу вам местные достопримечательности...

Дмитрий, поморщившись, отвернулся и занялся бумагами на столе. Внутри почему-то поселилось неприятное чувство. Нет, он нисколько не жалел, что отделался от этой голливудской бабенки, строящей из себя серьезного ученого. На хрен ему с ней сотрудничать. Но с другой стороны... Дама она явно упертая, аж батискаф с собой привезла! Надеяться на то, что вот так просто сдастся и улетит обратно на материк, не приходится. Останется здесь, полезет к вулкану, непонятно еще, как в местных условиях освоится. Натворит дел, пострадает еще. А он получается, хоть и косвенно, но вроде как виноват. Отказал в помощи, практически выгнал...

Дмитрий нехотя обернулся и бросил все так же неприветливо:

– Ну и что вы намерены предпринять, позвольте поинтересоваться?

Мария смерила его убийственным взглядом:

– Вообще-то это не ваше дело. Вы ясно дали понять, что сотрудничать не хотите, так что... Но в принципе я намереваюсь отправиться в Хониару, в порт, куда уже должны

были перевезти батискаф, и зафрахтовать корабль, на котором можно будет выехать на место для проведения изысканий.

– Могу вам подсказать, к кому лучше обратиться, – неохотно буркнул Дмитрий.

Ладно, от него не убудет, а дамочку, по крайней мере, не обдурят местные мошенники или международные прощелыги, которых в порту тьма-тьмушая. Но Мария, кажется, разозлилась всерьез, потому что заносчиво вздернула подбородок и отозвалась холодно:

– Большое спасибо. Я справлюсь сама.

Вот оно как! Ну и ладно. В конце концов, он не несет за нее ответственности. Раз думает, что такая самостоятельная, пусть последствия потом сама расхлебывает.

Дмитрий снова отвернулся к столу, краем уха слушая, как Нил продолжает трещать:

– Вы собираетесь выходить в море, на место извержения? А вы в курсе забавной местной легенды?

– Не в курсе, – нетерпеливо отозвалась Мария. – Нил, большое спасибо за чай, мне пора...

– Но как же! Это очень любопытная легенда! Местные считают, что вулкан – это древний бог. Черт, забыл, как там его зовут. И когда начинается извержение, это вроде как означает, что бог гневается. А особенно он почему-то недолюбливает моряков. И вот в момент извержения божественный дух поднимается из-под воды вместе с облаками пара, подкарауливает проходящие мимо суда и похищает души моряков. А корабли так и остаются дрейфовать по морю, опустевшие, покинутые...

– Практически у всех народов, живущих в прибрежных районах, есть легенды о Летучих Голландцах, – улыбнулась Мария. – В основном они повторяют друг друга. Это и понятно: в море довольно часто встречаются покинутые суда. Обычно это связано с пиратскими захватами или с тем, что команду по какой-то причине пришлось эвакуировать. Ну а люди придумывают свои объяснения, часто мистические. Всем же нравится верить в чудеса.

– А вы, значит, не верите? – продолжал флиртовать Нил.

– Ну я, как всякий ученый, отлично понимаю, что в мире еще очень много неизведанного. Того, что современная наука пока еще не может объяснить. В частности, нам до сих пор далеко не все известно о вулканах. Но вот то, что во время извержения из жерла вылезает бесплотный божественный дух, – не более, чем красивая легенда. Это я вам могу гарантировать, – рассмеялась Мария.

– Не подумайте, что я сам во все это верю, – горячо возразил Нил. – Ради бога, я ведь студент Сиднейского университета. Просто мне показалось, что вам интересно будет...

Дмитрий уже едва выдерживал эту болтовню. По счастью, Мария, кажется, тоже. По крайней мере, на этот раз она придержала разошедшегося Нила за предплечье и довольно решительно прервала его:

– Большое спасибо за экскурс в местные мифы, Нил. Но мне в самом деле пора идти. Я ограничена во времени, а сделать предстоит еще много, – и она вышла за дверь.

– Я провожу!

Нил рванул за ней к выходу. Дмитрий слышал, как громко он топал, сбегая по ступенькам крыльца. Ну наконец-то тишина. Нужно будет потом сделать выговор мальчишке, что без разрешения срывается с рабочего места. Но сейчас Дмитрий был даже рад, что парень удрал. Хоть несколько минут можно будет провести спокойно.

Нил вернулся с видом побитой собаки. Видимо, Мария все же достаточно доходчиво объяснила, что ничего ему с ней не светит. Однако парень долго еще вздыхал, мечтательно таращился в окно и пытался уговорить Дмитрия научить его паре фраз по-русски. Наверное, все же не оставлял надежды покорить Марию своей настойчивостью.

Остаток дня прошел спокойно. Когда стемнело, Дмитрий отпустил страдальца Нила домой, сам же приготовился к ночному отрезку смены. Брайан должен был появиться только утром, смены здесь были посуточные. Однако ночи обычно проходили спокойно. Дмитрий

в последний раз за этот день снял показания приборов и прилег на диван, намереваясь подремать.

За окнами давно уже стемнело, только вдоль горизонта еще виднелась насыщенно-багровая полоса догоравшего заката. Спустилась вечерняя прохлада. В приоткрытое окно пахло морем и какими-то слабо различимыми тропическими фруктовыми ароматами. Изредка доносились звуки музыки, смех, отдаленные голоса.

Сон не шел. Дмитрий несколько раз поднимался, пил воду, проходил по комнате. Пробовал закрыть окно – может, это звуки мешают уснуть? Но от духоты бессонница наваливалась с новой силой. Почему-то из головы у него не шла утренняя посетительница. Все казалось, что он сделал что-то не так, принял неверное решение. Черт, он ведь ни хрена не обязан нести за нее ответственность! Он потому и работу такую выбрал, чтобы отвечать только за себя и за свои действия, а не за ошибки и просчеты других людей. Он просто хотел быть один, по возможности не вступать ни в какие контакты с другими людьми и не иметь перед ними обязательств. Его и Нил-то невероятно тяготил – навязали же придурка! А дочка профессора Серебрякова казалась чудовищной помехой.

Ему почему-то вдруг вспомнилось, как Мария прикусывала нижнюю губу, когда злилась. И как она в возмущении вскочила со стула, а волосы ее взлетели и опустились золотистым каскадом. Вот оно! Вот почему она не идет у него из головы. Она чем-то напомнила ему Надю.

У Нади волосы были светлее, почти белые, а летом, в экспедициях, выгорали еще сильнее. Но, когда она быстро вскакивала с места, чем-то увлеченная или взволнованная, они вот так же взлетали густой волной, и в них вспыхивали золотые искорки. И губу она, сердясь, прикусывала так же. Он мысленно вернулся к тому далекому дню, когда она разозлилась, узнав, что он не решается сделать ей предложение. Он тогда мямлил что-то:

– Я подумал, да зачем тебе это нужно? Я же геолог, меня вечно дома не будет. В поле по несколько месяцев. И денег кот наплакал. Я просто не имею права втягивать тебя во все это. Ты... ты такая красивая, молодая...

И Надя тогда вот так же прикусила нижнюю губу, пару раз глубоко вдохнула, пытаясь успокоиться, а потом все же не выдержала, подскочила со скамейки, и золотые волосы взметнулись и рассыпались по плечам. Ткнула ему в грудь свой маленький кулачок и заорала:

– Совсем дурак, да? А я-то голову ломаю, что это с тобой случилось. Думаю, наверно, он встретил кого-то или просто меня разлюбил. А ты, оказывается, все это время себя накручивал и строил из себя жертву?

– Я не строил, – пытался оправдаться он. – Я правда думаю, что не имею права...

– Да замолчи ты – право, право, – сердито оборвала она. – Противно слушать. Не нужны мне никакие права, кроме права быть с тобой. Молодая, красивая – тоже придумал. Что ж мне теперь, срочно стать старой и уродливой, чтобы ты перестал терзаться? В общем, и слушать ничего не хочу. Срочно води меня в ЗАГС!

– Ну а как же экспедиции?

– Вместе будем ездить в экспедиции. Я тоже геолог, не забыл? И совершенно не собираюсь просиживать штаны в московском офисе. Так-то!

Это было просто смешно. Как он, такой сильный, суровый, властный, никогда не мог справиться с этой мелкой пигалицей. Стоило ей прикусить губу, нахмуриться и начать отчитывать его своим тоненьким детским голоском – и он ничего уже не мог поделать. Думал иногда, вот бы его коллеги или знакомые, которые всегда слегка побаивались его за мрачноватый вид, увидели, как он теряется перед этой смешной девчонкой. Многие, наверно, считали, что он этакий домашний тиран, а на самом деле все окончательные решения в их семье принимала она, Надя.

Раз Надя решила, что ездить в экспедиции они будут вместе, они и ездили вместе. И она никогда не жаловалась ни на душающую степную жару, ни на пронизывающий сибирский

холод. Проходила любые маршруты, от которых и здоровые мужики были в изнеможении, спала иногда на голой земле, ела, что придется, голыми руками брала образцы. Он даже гордился: вон у меня какая жена, не изнеженная барышня, а свой парень. Все может, не хуже мужчин. Ему нравилось так думать, и Наде нравилось. Вот однажды они и доигрались.

Он ведь тогда, перед экспедицией, снова пытался ее убедить, что на этот раз ей ехать не стоит. К тому времени его уже назначили руководителем, он сам утверждал маршрут, отлично понимал, какие будут условия. Но куда там, разве можно было свернуть Надю с намеченного пути? Она нервно вскакивала, прикусывала губу, топала ногами, раздувала ноздри.

– Что за дискриминация? Я, в первую очередь, ученый, а потом уже женщина! Грекова ты же не отстраняешь от экспедиции, а у него, между прочим, астма. А я – здорова как бык! И ты не можешь лишать меня работы только по половому признаку.

И он, конечно же, снова пошел у нее на поводу.

Сколько раз он потом мысленно возвращался к этому разговору, корил себя за то, что не настоял, не хлопнул кулаком по столу. Пусть бы она разозлилась, пусть бы обиделась, посчитала его женоненавистником, самодуром, эгоистичным засранцем. Пусть бы даже все у них на этом и закончилось. Пусть бы она ушла, подала на развод. Он все мог бы стерпеть, зная, что она жива, хотя и живет где-то далеко от него, может, даже с кем-то другим. Вот так же злится, кричит, закусывает губу. Хохочет, дерзит, работает, читает, свернувшись в клубок на диване и накручивая на палец прядь волос. Грызет свои любимые козинаки, трет переносицу, забывает дома зонтик. Знать, что все у нее хорошо, даже если они не вместе, было бы в сотни, тысячи раз легче.

Но он не настоял, не надавил. Он поддался, как множество раз до этого. И все произошло так, как произошло. И ничего уже не изменишь, не отмотаешь назад. И он всегда будет виноват...

Дмитрий поднялся с дивана, нашел в шкафчике засунутую подальше пачку сигарет. Он редко позволял себе курить, только если совсем немоготу становилось. Вот как сейчас.

Он вышел на крыльцо. Ночь была теплой. На фоне черно-синего неба темнели силуэты пальм. Зубчатые края широких листьев оставляли на земле изломанные тени. Высоко над землей серебрились крупные звезды. Откуда-то издалека доносилась музыка, смех, крики. В зарослях высохшей от солнца травы стрекотали цикады. Где-то в отдалении ухала ночная птица.

Он закурил, и дым от сигареты тонкой струйкой потянулся вверх. На губах остался горьковатый вкус.

Он давно не позволял себе думать об этом, вспоминать, предаваться бессмысленным сожалениям. Знал по опыту, что это только измучает его, а изменить все равно ничего нельзя. Обычно ему легко удавалось держать себя в руках, сказывались годы практики. Но эта женщина, которая сегодня так настойчиво вторглась на их уединенную станцию, что-то всколыхнула внутри, вызвала мучительные воспоминания.

Тоже, наверное, считает себя отважным ученым, которому все по плечу. Нравится играть в равенство полов, строить из себя своего парня и не задумываться, что в критической ситуации ее врожденная слабость может оказаться роковой. Он больше не играет в эти игры. Хватит с него, слишком дорого досталось ему понимание того, что равенство полов имеет смысл только в цивилизованном мире, в городе, со всеми его удобствами и высокотехнологичными разработками. А когда попадаешь в дикие условия, в мир не тронутой человеком природы, в силу вступает первобытный закон – кто сильнее, тот и выживет.

И эта – как там ее, Мария? – наверняка со свойственным ей апломбом думает, что сможет со всем тут справиться. Полезет к вулкану, станет опускаться под воду. А он, значит, должен будет с ней нянчиться и ежедневно смотреть, как она по своей бабьей дури рискует жизнью? Нет уж, благодарим покорно. Но с другой стороны, прогнав ее, он ведь ничего не изменил.

Она все равно будет лезть на рожон, только в его отсутствие. А значит, и помочь в случае чего он не сможет. Правда, ему-то какая разница? Пусть хоть шею себе свернет, ему-то что за дело до нее?

Задумавшись, Дмитрий не заметил, как сигарета истлела и окурок обжег пальцы. Он от неожиданности отбросил его в сторону, и тот полетел вниз с высокого крыльца, рассыпая в темноте каскад оранжевых искр.

Пожалуй, он будет все же за ней присматривать. Издалека. Не вмешиваясь в происходящее. Просто для очистки совести, чтобы эта фифа не наломала тут дров. Потому что ему на фиг не уперлось помогать потом местным береговым службам, когда они будут осуществлять спасательную операцию, поднимая со дна батискафа, а то и – не дай бог – придется доставать из моря ее раздувшийся от воды труп.

От принятого решения на душе почему-то стало легче. Дмитрий вернулся в помещение, снова растянулся на диване и на этот раз довольно быстро уснул.

Мария

– Вот урод! – со злостью выдохнула Мария. – Хам, самодовольный ублюдок!

– Тише, тише, чего ты так разошлась, – рассмеялся Павел.

Они как раз залезали в невероятно грязный бело-зеленый автобус, на пыльном боку которого кто-то написал на местном наречии пиджин: «Помой меня». Улыбчивый водитель-индус в рубашке с темными влажными пятнами под мышками – что и неудивительно было, учитывая царящую вокруг жару, – услужливо распахнул перед ними дверцу. Хорошо, что хоть багаж они оставили в отеле, можно будет прокатиться в порт налегке.

В автобусе, несмотря на открытые окна, дышать было нечем. Мария, порывшись в кармане шортов, вытащила пачку бумажных салфеток и промокнула пот со лба.

Павел внезапно дернулся в сторону и истошно заорал. Мария, обернувшись, увидела, что на плече у него сидит влетевшая в окно автобуса огромная, как блюдце, ярко-синяя бабочка.

– Убери ее отсюда, – вопил Паша.

– Да она же не ядовитая, – засмеялась Мария, дотянулась до его плеча и осторожно сняла с Паши гигантское насекомое.

Бабочка доверчиво обхватила лапками указательный палец, и Мария поднесла ее поближе к лицу, любуясь удивительно яркими, тончайшими крыльями.

– Да мне плевать, ядовитая или нет, – передернулся Павел. – У меня же фобия, я ненавижу этих тварей.

– Вот теперь я знаю, чем тебя шантажировать, если что, – рассмеялась Мария. – Не станешь слушаться в экспедиции, буду пугать, что напущу тебе бабочек в комнату. Посмотри только, какая она красивая!

– Фу, убери ее на хрен, – скривился Павел.

И Мария, потянувшись через него к окну, осторожно выставила руку на улицу, тихонько взмахнула ею, и бабочка, распластав тончайшие синие крылья, полетела куда-то вдаль.

В Хониару они прилетели только сегодня утром. Позади был утомительный перелет с тремя пересадками, но больше всего Марию поразило здание местного аэропорта. Ветхое, одноэтажное строение, запруженное людьми, сидящими на мешках с рисом и чем-то еще съестным. Все они галдели, обнимались, совали друг другу багаж, выкрикивали напутствия улетающим родственникам. И все время, не переставая, улыбались. Марию буквально ослепило такое количество самых искренних широких и белозубых улыбок. Этой местной привычкой

легко было заразиться, Мария уже ловила себя на том, что невольно улыбается всем встречным в ответ – так искренне и приветливо они на нее смотрели.

Ей уже начинало казаться, что они прибыли в поистине сказочное место и экспедиция будет похожа скорее на отпуск, чем на работу. Ну ничего, тот мужлан с метеостанции быстро развеял ее заблуждение. Какой же неприятный тип! Мария невольно поморщилась, вспомнив их утренний диалог с Дмитрием.

– Так чем он тебя разозлил? – спросил Павел.

Автобус все еще стоял у обочины, хотя водитель клятвенно заверил их, что они тронутся в течение десяти минут. Небо казалось выплывшим от дневного зноя. В распахнутое окошко лезли листья росшей у дороги невысокой пальмы. Салон постепенно наполняли местные жители. Перекрикивались на своем забавном наречии, запихивали поклажу на полки и под сиденья и все так же широко улыбались.

– Он смотрел на меня так, будто я... – Мария возмущенно фыркнула, с трудом подбирая слова, которые могли бы всецело передать ее негодование. – Как будто я, знаешь, какая-то безмозглая кукла, которая явилась сюда строить из себя ученого и досаждать ему.

– Ну, в общем, его можно понять, – хохотнул Павел. – Ты у нас такая красotka, действительно, трудно поверить, что ты не с красной ковровой дорожки сюда прилетела, а из научного института.

– Это лишний раз свидетельствует о мужской ограниченности и зашоренности, – отрезала Мария.

И Павел, не переставая смеяться, сжал ее плечо:

– Ладно, ладно, не заводись. Я всего лишь хотел сказать, что такое отношение можно в чем-то даже посчитать комплиментом.

– Не нужны мне комплименты, – буркнула Мария. – Я думала, он сможет нам помочь. Поделится наблюдениями, может, какими-нибудь уже полученными данными. Сориентирует в местных обычаях. Но раз он такой хам – не нужно, сами разберемся.

– Это уж точно, – кивнул Павел.

– И вообще, этот мальчик, Нил, или как там его, стажер с метеостанции... Он потом меня догнал и проводил немного, упрасивал не обижаться на его босса. Так вот он сказал мне, что этого Дмитрия все терпеть не могут. Что он злобный, склочный, угрюмый тип. И что ходят слухи, будто сюда, на край земли, он подался после того, как возглавлял какую-то экспедицию, и по его вине погибли люди. Не то чтобы он тут скрывается от правосудия, его вроде как оправдали, но просто после того случая с ним никто работать не хочет.

– Ай-ай, собираешь сплетни? – мягко пожурил ее Павел.

– Я же ученый, для меня любые данные – это информация к размышлению, – со смехом возразила Мария. – В нашем деле на шепетильности далеко не уедешь.

– Ну ладно, значит, возблагодарим судьбу за то, что спасла нас от этого Карабаса-Барабаса. А то еще и нас бы прикончил где-нибудь тут, в джунглях, – подытожил Павел. – Ладно, мы ехать-то будем сегодня или нет?

Он посмотрел на часы, удивленно вскинул брови и покачал головой. Они вот уже полчаса тут сидели, а автобус и не думал двигаться с места.

– Извините, пожалуйста, – Павел обернулся назад, приподнялся над сиденьем и заговорил с местным парнем, который устроился позади них. – Вы не скажете, когда отправляется автобус? Нам сказали, через десять минут...

– Так и есть, – радостно осклабился парень. Светлые завитушки его волос стояли над головой круглым упругим облаком. – Через десять минут.

– Но прошло уже тридцать, – не отставал Паша.

– Так это же соломоново время, – беспечно отозвался парень и, видя непонимание в глазах собеседника, заливисто загоготал.

А через секунду грохотал уже весь автобус.

– Какого черта значит соломоново время? – обернулся Паша к Марии. – Мы же перевели часы в аэропорту...

– Мне-то откуда знать, – огрызнулась она.

Оказалось, что самостоятельно разобраться с местными обычаями будет не так-то просто. До чего же все-таки мерзкий мужик этот Дмитрий! Неужели так уж сложно было ей помочь? Он мог бы быть даже симпатичным (его облик чем-то напоминал сурового викинга), если бы не был таким угрюмым и неприветливым.

Павел продолжал непонимающе таращиться по сторонам, и, наконец, какая-то пожилая женщина в разноцветном платке, повязанном на голове, сжалилась над ним.

– Мы здесь торопиться не привыкли, – объяснила она Павлу. – И времени не замечаем. У нас не стоит надеяться на четкое расписание. То, чего ты ждешь, может случиться на несколько дней раньше или позже. Или не случиться вообще. Мы просто живем, а не считаем часы, дни или годы. День сменяет ночь – вот и ладно.

– Ясно, спасибо большое, – покивал Павел и обернулся к Марии: – Вот это мы попали! Выходит, автобус этот долбаный может вообще сегодня никуда не поехать?

Мария лишь растерянно пожала плечами. К счастью, вскоре снова появился водитель – вынырнул из какой-то уличной забегаловки и неторопливо, шаркая сандалиями, побрел по пыльной дороге к своему транспортному средству. Он залез в кабину, еще о чем-то поболтал с одним из пассажиров и лишь затем повернул ключ в замке зажигания. Мотор закашлял, зачихал, совсем уже было заглох, но вдруг взревел довольно бодро. Водитель выкрутил руль, и автобус тронулся с места, так громокая и дребезжа на кочках, что, казалось, вот-вот развалится на куски прямо на ходу.

В порт они прибыли уже ближе к вечеру. Однако солнце все еще жарило вовсю, и ни на один градус не стало прохладнее. В порту Хониары, как и любом другом порту мира, было шумно, многолюдно, суетливо. Мария скоро запуталась в хитросплетении пирсов, причалов, каких-то прибрежных портовых строений. Здесь переплетались, создавая ни на секунду не умолкающую какофонию, самые разнообразные наречия, смешивались запахи морской воды, металла, ржавчины, рыбы, подгнивших водорослей и мазута. У берега, словно любопытные жирафы в зоопарке, тянули вверх шеи корабельные краны и лебедки. Матросы в закатанных брюках и без маек лихо сновали у воды, перескакивали по наваленным у кромки моря бетонным плитам, перекрикивались. На солнце блестели их вспотевшие спины, а под смуглой кожей перекачивались крепкие мышцы. Они таскали какие-то тюки, принимали контейнеры, переговаривались и пересмеивались на бегу.

Некоторое время Мария с Павлом потолкались в общей сутолоке, а затем решили идти напрямик к начальнику порта. В дощатом строении было не намного тише, чем у причалов. Та же беготня, крики, суета, смешение языков. К начальственным дверям выстроилась целая очередь людей самых разных национальностей и рас. Моряки говорили в основном на английском – только очень упрощенном, с использованием своего морского жаргона. Павел, оглядев скопление народа, присвистнул:

– Часы приема у него, видимо, тоже по соломонову времени? Да мы тут неделю проторчим...

Мария, нахмурившись, пыталась сообразить, как побороть эти непредвиденные трудности. Она как-то не ожидала, что все здесь окажется настолько нецивилизованным.

– А вам что нужно, господа? – обернулся к ним какой-то коренастый человек небольшого роста и заговорил по-английски с картавым акцентом. – Если перебраться на другой остров, то я могу посодействовать. Много не возьму, договоримся.

– Нет, мы... – Мария пощелкала пальцами в воздухе, пытаясь объяснить все как можно короче. – Мы ученые, у нас исследовательская экспедиция. Нужно будет выходить в место извержения подводного вулкана. К тому же судно нужно большое, чтобы можно было погрузить батискаф. Так что, боюсь, вы нам не подойдете.

– Вы собираетесь швартоваться у Кавачи? – Какой-то матрос из местных отшатнулся от Марии и скорчил гримасу то ли ужаса, то ли отвращения.

– А в чем дело? – подняла брови Мария.

– Разве вы не слышали? Кавачи – это божество, древний дух, создавший Соломоновы острова. И извержение означает, что бог разгневался на нас, своих детей, и...

– Ага. Божественный дух, вселившись в облако раскаленного пара, похищает души моряков. Наслышана, – кивнула Мария.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.